

НАТАЛЬЯ РУЧЕЙ

Минус 20
ДЛЯ СЧАСТЬЯ

Наталья Ручей

Минус двадцать для счастья

«Автор»

2017

Ручей Н.

Минус двадцать для счастья / Н. Ручей — «Автор», 2017

Получать подарки на день рождения – прекрасная традиция! Так думала я, пока мне не подарили абонемент в фитнес-центр. Пришлось взглянуть на себя со стороны и признать, что да, я слегка себя запустила, килограммов так на двадцать. Моей силы воли хватило на то, чтобы войти в спортзал и... выйти из него спустя час, едва шевеля ногами. Вряд ли я бы еще раз добровольно вернулась туда, если бы не случайная встреча с красивым незнакомцем, который заключает со мной странное пари. Если я сброшу пять килограммов за месяц, он пойдет со мной на свидание!

© Ручей Н., 2017

© Автор, 2017

Содержание

Глава № 1	5
Глава № 2	9
Глава № 3	13
Глава № 4	17
Глава № 5	21
Глава № 6	25
Глава № 7	29
Глава № 8	33
Глава № 9	38
Глава № 10	43
Глава № 11	47
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Наталья Ручей

Минус 20 для счастья

Глава № 1

Кроссовки нещадно жали пальцы, и те ныли, подвывая жалостной музыке моего живота. Опасаясь, что у меня будут и мозоли, и голодный обморок, я потянулась за полотенцем, чтобы дать уставшему телу хоть минутку отдыха, но зычный голос тренера продолжал выдавать жесткие команды:

– Еще! Сильнее! Еще! Последний раз!

Я ничуть не верила этим заманчивым обещаниям, потому что тренировка длилась уже больше получаса, и пусть я освоила пока не все тренажеры, но некоторые обманные приемы тренера раскусила. Это вранье – насчет «последнего раза», а на самом деле...

– Еще четыре! – крикнула тренер. – И еще последний! И еще восемь!

Ну вот...

А на самом деле тренировка в разгаре, и я умру на одном из тренажеров, так и не вернув себе прежние худосочные формы. Спасибо булочкам и копченой колбасе, спасибо газировке и пиву с рыбкой, спасибо шоколадному мороженому, спасибо моему бывшему, расставание с которым я заедала целый месяц, а потом так привыкла есть, что не заметила, как начала просто жрать.

И спасибо моему дню рождения, на который мама подарила мне полугодовой абонемент в спортивный клуб.

– Поздравляю! – осчастливила она меня сегодня утром и вручила пластиковую карточку.

В общем-то, это был даже не намек, а явный пинок. И когда самые близкие люди плюют на жалость к родному человечку и перестают тюкать заверениями, что любят тебя в любом облике, значит, ты довел не только себя, но и их.

Получив подарок, я изобразила улыбку радости, не поленилась найти весы в шкафу, а когда встала на них... чуть не упала в шоке. За два года, что мы с весами не виделись, показания выросли на двадцать килограмм! Двадцать!

Я подкралась к зеркалу и впервые за долгое время внимательно на себя посмотрела.

Это была я. И тем не менее далеко не я.

Я по-прежнему воспринимала себя молодой, в меру симпатичной и в меру стройной девушкой двадцати пяти лет. А сейчас увидела молодую, в меру симпатичную женщину неопределенного возраста и с весом в восемьдесят пять килограмм. Причем, килограмм пять весили приобретенные мною щеки. Другие вкладывали капиталы в недвижимость, в одежду и украшения, а я вложила в сало собственного производства, которое теперь предстояло вытапливать в шкварки.

Первым делом я отказалась от завтрака, по иронии оказавшись яичницей с салом, а потом отрыла в своем безразмерном шкафу спортивную форму, кеды, захватила абонемент и отпинала себя после работы в спортзал. Я даже переделась и мужественно взошла на эшафот, маскирующийся под орбитрек. Моего палача, то есть моего тренера, звали Ольгой. Улыбчивая такая, красивая, подтянутая... Она мило проводила меня в пыточную и начала терзать за все съеденное мною. Это было больно, потно и безнадежно.

– Еще! Даже если ты думаешь, что больше не можешь, сделай еще один раз и только потом остановись! – строго говорила она.

А я представляла, как вернусь домой, где меня дожидается праздничный торт, и недоумевала: кто украл моего улыбчивого тренера, заменив на этого подтянутого монстра?

– Еще! Не ленись! Не жалея себя! – звучали новые приказы.

Улыбка к тренеру вернулась только после экзекуции, через час.

Я сползла с последнего орудия пытки, а мой тренер, счастливо растянув губы, сказала, что я слабачка, что больше вряд ли вернусь в клуб, потому что сюда ходят только сильные люди. Так же с улыбкой она со мной попрощалась, всем своим видом показывая, что прощание навсегда, а я, даже не переодеваясь, захватила с собой одежду, в которой пришла, и выползла на свет Божий. Кое-как добрела до первой попавшейся лавочки, уже предвкушая, как сяду и отдышусь, и пожалею себя, и подуюсь на странного тренера, которая сделала все, чтобы я действительно не вернулась. Но к моему великому раздражению, лавка была занята.

Я повертела головой, но в потемках никаких других мест для сидения не наблюдалось, да и моим ногам было плевать на стеснение, они не задавались вопросом: «Как это, подсесть в таком виде к незнакомому красивому мужчине?» Они просто довели меня к лавочке и отказались пройти мимо.

Я села сначала на самый краешек, но потом обиделась сама на себя и расселась вволю. Как и мужчина. Мы вдвоем умудрились занять довольно много места. Но если он – за счет подкачанной фигуры, то я...

А, в темноте не видно!

Да он и не смотрит в мою сторону. Сидит, о чем-то своем думает и... пьет, что ли? На алкоголика не похож, одет хорошо – джинсы в обтяжку (жаль, что он сидит, уверена, есть на что глянуть), под кожаной курткой красный свитер (если мне не изменяет зрение в тусклом свете фонаря) и байкерские ботинки с рисунком рыжего огня от подошвы, а на глазах темные очки, будто ему вечерней темноты мало. На притоптанном снегу бутылка коньяка или виски, и точно не из дешевых. Изредка мой сосед по лавочке тянулся к бутылке, делал глоток и ставил бутылку обратно в снег.

– Что празднуем? – не знаю, что меня дернуло обратиться к нему.

Вообще, я предпочитала обходить пьяных стороной, а в последнее время и красивых мужчин сторонилась, а здесь как будто нашло что-то. Наверное, побочный эффект тренировки: тело в шоке, страхи растеклись лужицей пота на коврик, а лень и любопытство взяли верх над затуманенным разумом. Лень встать с лавки, а любопытно увидеть не только профиль мужчины.

– Празднуем? – усмехнулся он, не поворачивая головы, а рассматривая уже без темных очков снег, бутылку и звезды, подмигивающие через облака. – Пожалуй, можно и так сказать...

Я терпеливо выждала целую минуту, а потом мое терпение иссякло.

– Так что за повод? – переиначила я вопрос.

Мужчина, наконец, повернул голову, смерил меня взглядом, с усмешкой отвернулся и ничего не сказал. А я почувствовала, как накатывают обида, злость и раздражение и как горят щеки. Пусть этого никто и не заметил сейчас, а стыдно так, будто я на виду перед целой толпой и все кричат и показывают пальцем, мол, смотрите, такой красавчик, а она посмела заговорить с ним, небось, познакомиться хотела...

– Ты не в моем вкусе, – сказала я, поднимаясь и отряхивая брюки от снежинок.

Только сейчас я почувствовала морозный холод и ветер, и захотелось спрятаться в теплом домике, с чашкой кофе, куском оправданного торта и подальше от темных глаз этого мужчины.

– Ты думаешь, что я специально к тебе подседа? – я не могла остановиться, мне хотелось хоть чем-то уколоть его, вывести из себя, согнать с лица это спокойное выражение. – Я просто после тренировки, жутко устала... Я совсем не хотела с тобой познакомиться...

Остановилась, когда поняла, что начинаю оправдываться, махнула рукой и уже развернулась, чтобы уйти, когда мужчина спросил:

– А ты бы хотела со мной познакомиться?

И я никуда не ушла.

Развернулась к нему и подумала: а чем я рискую, если скажу правду? Щеки и так горят, утешиться тортом всегда успею – подумаешь, съем на кусок больше. А вдруг это шанс, который сам под ноги падает, а я ленюсь даже нагнуться?

Смерила незнакомца внимательным взглядом: фигура отменная, лицо привлекательное, с легкой щетиной, которая манила проверить ее на мягкость, глаза большие, пока непонятного мне цвета, губы... Ох, губы его манили меня куда больше, чем щетина.

Я милостиво махнула у него перед лицом кульком со своей одеждой, но мужчина даже не дернулся – не из пугливых, похоже, и не из нервных. Скрестила оборонительно руки на груди и сказала честно:

– Хотела бы. А что?

Он мгновенно утратил интерес к бутылке, снегу и звездам и поднялся. А я прикинула, что если я ему примерно по плечи, роста в нем не меньше метра восьмидесяти, и такой значительный шанс мне нравился все больше. Тем паче, пахло от него не выпивкой, а дорогим одеколоном с древесными нотками и силой, уверенностью в себе. В общем, его запах был полной противоположностью моему сейчас. Я даже невольно качнулась вперед, но его следующий вопрос приморозил меня к месту:

– И что ты готова для этого сделать?

– В каком смысле? – я качнулась обратно.

– В прямом.

Он говорил четко, будто и не пил вовсе, и взгляд его был не замутненным и таким внимательным, что притвориться дурочкой и пойти на попятную без того, чтобы он ни о чем не догадался, было трудно.

– Ты хотела бы со мной познакомиться, но что ты готова для этого сделать? – терпеливо переспросил незнакомец. – Молчишь. Может, ты хочешь этого не больше, чем сбросить лишний вес?

– Я хочу похудеть! – возразила я обиженно. – И похудею! Я сброшу эти двадцать килограмм, ясно?

– Двадцать? – недоверчиво переспросил незнакомец.

– Да, – как можно уверенней подтвердила я, хотя чувствовала, что с цифрами погорячилась.

– Хм... – мужчина обошел меня по кругу и снова остановился напротив. – А давай так...

– Как?

– Ты хочешь со мной познакомиться. И ты хочешь похудеть. Верно?

– Верно. И что?

– У меня есть предложение.

– Соблазнительное?

– Пока просто заманчивое.

– И какое?

– Сколько ты весишь сейчас?

– Восемьдесят пять.

– Отлично.

– Думаешь?

Я тоже перешла на «ты»: разница в возрасте у нас лет пять, наверное, да и то это я в курсе, а мой внешний вид легко эти пять лет мне накидывает.

– Нет, – усмехнулся мужчина, – я думаю, что при твоём метре с кепкой ты должна весить около шестидесяти, плюс-минус. Отлично то, что ты не юлишь: терпеть этого не могу в женщинах.

Я хотела поправить «женщин» на «девушек», но снова вспомнила свое утреннее отражение в зеркале и благоразумно промолчала.

– Предлагаю пари... Пари иногда приносят счастье... – усмешка мужчины стала какой-то грустной. – Ты хочешь со мной познакомиться. Я не против. Я скажу, как меня зовут и оставлю свой номер мобильного. Я даже буду ждать твоего звонка, но...

Нереально, и такое ощущение, что выпила я, а не он, потому что я стояла и выслушивала весь этот бред. Видимо, мое любопытство окончательно задавило здравый смысл.

– ...Но ты позвонишь, когда скинешь пять килограмм, – добавил незнакомец.

– Всего-то? – хмыкнула я.

– Для начала, – добил мужчину, наслаждаясь произведенным эффектом. – Ну как? Если согласна, давай свой телефон – я внесу номер. Если нет...

Словно со стороны я видела, как лезу в сумочку за телефоном, как длинные мужские пальцы, предварительно пролистав весь мой список контактов, вбивают номер и как губы, о которых я неприлично мечтала, прикасаются к моей щеке обжигающим холодом.

– Это для стимула, – усмехнулся мужчина и, забыв не только о бутылке в снегу, но и обо мне, развернулся и зашагал прочь.

– Бред какой-то, – пробормотала я и поспешила на остановку – скорее к маме, которая ждет, и к чашке горячего кофе с тортом.

Пока я шла, все пыталась проснуться. Ну не могла эта история случиться на самом деле. Не могла!

Но я уже и на остановку пришла, уже и к дому доехала, и даже на лифте поднялась, а все не просыпалась. Значит, это было на самом деле...

– Лер, ну наконец-то! – радостно встретила у двери мама. – Давай, переодевайся скорей, и жду тебя на ужин.

Я отдала маме свою куртку, и голод погнал меня спешно переодеваться. К черту этого незнакомца! К черту его дурацкое пари! К черту спортзал! Я хочу есть и буду!

Но, пробегая по коридору обратно к кухне, я резко притормозила у зеркала. Голод просил, умолял, приказывал, а я смотрела на свои раскрасневшиеся на морозе щеки и понимала, что если я сейчас поддамся, если продолжу жрать, не будет в моей жизни таких обалденных незнакомцев. Будут те, кто сделает мне одолжение. Или даже те, кто полюбит. Но где шансы, что их полюблю я? Или хотя бы заинтересуюсь ими, как этим незнакомцем?

Кстати, не пора ли нам познакомиться?

Я достала из сумочки мобильный, пролистала адресную книгу и нашла в ней новое имя. Ну, теперь-то понятно, почему он о счастье говорил. Его имя само по себе означает «счастливый». Я мысленно повторила его несколько раз, но понравилось оно мне, только когда я произнесла его вслух.

– Макар, – тихо произнесла я. – Ма-кар, – повторила по слогам, словно пробуя на вкус, привыкая.

И вкус мне понравился. Очень.

Отказавшись от ужина, я выпила пустой кофе, долго не могла уснуть, выслушивая искушающие советы желудка подкрасться потихоньку к холодильнику, но не сдалась. Впервые за долгое время я была уставшей, растерянной и все же жутко довольной собой.

Как там говорил Макар? Некоторые пари приносят счастье?

Проверим...

Глава № 2

Утром я прислушалась к своим ощущениям, поняла, что проснулась раньше, чем мое чувство голода, и возликовала.

У меня все получится! Я похудею! Легко! Ну, пять первых кило точно без проблем сброшу, а потом втянусь, вдохновлюсь результатом и быстрыми темпами верну себе прежнее отражение!

На зеркало я взглянула немного надменно, уже предвкушая и смакуя момент, когда избавлюсь от темноволосой толстушки, рассматривающей меня с не меньшим любопытством.

Если сбрасывать, к примеру, по десять кило в месяц...

Да хотя бы по семь, как это сделала наш секретарь Марина...

Тогда на мое превращение из гусеницы уйдет всего четыре месяца. А там как раз начнется сезон сарафанов, женственных платьев, высоких каблуков и купальников.

Как раз... Я бы даже сказала – «как на заказ».

Пряча радостную улыбку, я отвернулась от своего отражения, быстро привела себя в порядок, переделалась и поспешила ускользнуть из дома с появлением первых соблазняющих ароматов, которые манили на кухню. Желудок попытался воззвать к моей совести, но я проигнорировала его возмущение. Ничего, утешала себя, мне бы только две недели продержаться, пока мама в отпуске, а потом она выйдет на работу и у нее не будет столько свободного времени, чтобы тратить его на готовку.

– Куда так рано? – услышав мои передвижения, мама выглянула в коридор.

– Мам, работы много, – жадно вдохнув запах блинчиков, попыталась я уйти от неловких объяснений. – Я же тебе говорила, что мы водителя нового ищем. Вот, дали объявление в инете – теперь ждем.

– И что? Хочешь сказать, у вас там очередь собралась? – не поверила мама, прекрасно зная, где я работаю и какую зарплату наш шеф готов платить сотрудникам.

За такую сумму я приходила к десяти и уходила строго в шесть, наша менеджер Светлана wpłyвала в офис к одиннадцати, а секретарь Марина щадила себя и появлялась не раньше двенадцати, когда телефон начинал подавать хоть какие-то признаки жизни и была вероятность, что заглянет шеф. Шеф платил себе больше всех, но на работу являлся не раньше часа и в редкие дни недели.

Так что да, мое рвение поработать в восемь утра выглядело неправдоподобно. И мама справедливо ждала честного ответа, вот только... Признаться в том, что я решила худеть, было как-то неловко. Не знаю почему. Вроде бы наоборот, все правильно делаю, и мама сама мне абонемент в спортклуб купила, но... Неловко, и все тут. А вдруг не получится?

Так-то я просто пухлая. Пухлая, потому что запустила себя, разъелась. А если не выйдет похудеть, я буду пухлой потому, что слабачка. Усугублять свое состояние еще и депрессией мне не хотелось.

– Мам, мне правда пора, – изобразила я котенка-милаху.

– Уйдешь без завтрака? – родные глаза прищурились, взглянув с пониманием. – Лера, голодовка – это не выход.

– Я куплю что-нибудь в обед.

– Что-нибудь – тоже не выход, – вздохнула мама, но поняла, что сейчас меня не переубедить, и не стала настаивать. – Хорошо, давай поговорим вечером.

Я кивнула и выскользнула из квартиры. Улица встретила зимним холодом, заставив задуматься на пути к остановке, что хорошо бы купить что-нибудь потеплее. И покрасивей. Потому что куртка – это, конечно, удобно, но ей уже несколько лет, а у меня новые, такие грандиозные планы...

Внутри все бурлило от нетерпения, хотелось начать хоть с каких-нибудь перемен, поэтому обновление гардероба запланировала на ближайшие выходные. Три дня потерплю эту куртку, что ж поделать! Три дня ничего не значат.

Успокоила себя, накинула капюшон и, подгоняемая попутным ветром, поторопилась к маршруткам.

На работу ожидаемо прилетела раньше всех, так же ожидаемо не нашла ни одного отзыва в инете на нашу вакансию. Начала обзвон кандидатов сама, но, узнав о размере зарплаты, никто не хотел даже слушать о том, какой у нас дружный и веселый коллектив.

– Девушка, – сказал один из водителей с нескрываемым упреком, – если вы получаете такую же зарплату, как предлагаете мне, понять не могу: почему у вас радостный голос?

– Хорошее настроение, – честно ответила я. – А еще читаю ваше резюме и понимаю, что вы нам на сто процентов подходите.

– Не хочется вас расстраивать, вы вежливая, приятный голос и все такое, но простите, даю сто процентов, что не приеду.

Получив еще с десятков отказов, я с чувством выполненного долга отложила кадровые дела. В конце концов, кадровые вопросы – это нагрузка, от которой я в свое время не смогла отказаться, а работаю я вообще-то бухгалтером. И так как бухгалтера в основном усердствуют примерно неделю – во время отчетов, я открыла профильный журнал и углубилась в чтение.

Надо было немного успокоиться до прихода остальных сотрудников, а то, глядя на меня, они могли придумать нечто нереальное – типа, что мне единственной из всего коллектива удалось выбить надбавку к зарплате. А это не удалось даже Марине!

Я говорю «даже», потому что у Марины уже почти год роман с нашим шефом, и, казалось бы, ей проще всего повысить размер своего оклада. Но она совершила такую же ошибку, как я когда-то. Я позволила навесить на себя кадровые вопросы, не обговорив условий. А она, не обговорив условий, стала любовницей шефа.

Теперь же поднимать эти вопросы было бессмысленно. Шеф знал, что я справляюсь и за такое вознаграждение. Марина же успела ему внушить, что у нее к нему чувства. А шеф...

Шеф умел и любил экономить.

Канцелярский, иногда зубодробительный язык, которым были написаны статьи в журнале для бухгалтеров, сделал свое дело, и я смогла унять радость. Так что когда к одиннадцати в офис вплыла Светлана, она спокойно поздоровалась со мной, сделала нам по чашке чая и утомленно опустилась на стул.

– Не знаю, Лер, – сказала она, поглаживая свой плоский живот через полупрозрачную кофточку, – как я выдержу еще восемь месяцев? Мне даже ходить уже тяжело! Ты же видишь...

Откровенно говоря, за этот месяц я успела заметить только смену походки Светланы (она стала более плавной, ленивой), но расстраивать ее не захотела. Все-таки она в положении. Я знала это из ее слов, а шеф даже тест видел.

Зачем она ему показывала его, понятия не имею. Марина, узнав об этом, решила, что ребенок от шефа, и даже попыталась обидеться, воспользовавшись моментом, но у нее не вышло. Я ведь уже говорила, что шеф умел и любил экономить. Потратиться на дорогой подарок в искупление навязываемой ему вины, он и не подумал, а вот Марине пришлось постараться, чтобы вернуть его расположение.

Она даже у меня совета спрашивала – как у старожилы этого офиса. За четыре года, что я здесь работаю, я, конечно, успела заметить, что шеф любит сладкое и вообще поест. Об этом и сказала. В итоге целую неделю шефу не пришлось тратить на еду. Марина очень старалась угодить, и у нее получилось задобрить любовника.

Зачем ей шеф? Хороший вопрос. Не уверена, что ответ на него знает сама Марина. Если шеф и делал ей какие-то подарки, то незаметные – ни новой квартиры, ни первой машины у нее за время романа не появилось. Поэтому расчет какой-то сомнительный. Любовь? Ну,

разве что внезапная и безоглядная! Потому что их отношения из рабочих в близкие перешли буквально за несколько дней. При этом шеф вел себя с Мариной довольно холодно, если не сказать безразлично, а она этого словно не замечала. Как и восхищенных взглядов сотрудников из других компаний, которыми те неизменно ее провожали.

Вот и сейчас дверь открылась, пропуская Марину в наш офис, а в коридоре за ее спиной замерли двое мужчин.

– Доброе утро, – ничуть не смущенная тем, что часы показывали двенадцать, Марина вошла в офис и бесцеремненно закрыла дверь перед носами поклонников.

– День, – кивнула вошедшей Светлана и сделала вид, что пытается разобрать документы в лотках, но быстро устала притворяться и только смахнула с них пыль.

– Привет, – отозвалась я, присматриваясь к Марине, чтобы вдохновиться живым примером.

Невысокая, стройная брюнетка – она никогда не была такой пухлой, как я, но около полу-года назад решила похудеть еще больше и резко сбросила семь килограмм. Как по мне, ее прежний облик был гораздо привлекательней, но... Она старалась явно не для меня. И потом, мое дело – не придираться, а еще раз усвоить, что это возможно. Даже худые худеют, а мне с таким осязаемым запасом должно быть гораздо легче!

День тянулся в обычном режиме. Светлана общалась с клиентами, собирая заказы на завтрашний вывоз, я обзванивала немногочисленных должников, Марина несколько раз пила кофе. Все было привычно и скучно. Но потом Марина сходила в ближайшее кафе, купила ванильную булочку, и у меня резко испортилось настроение.

Голод...

Никогда не думала, что мне придется столкнуться с ним и что я буду готова сдаться немедленно. Я смотрела в монитор, принимала звонки, звонила сама, но отвлечься не получалось.

Мысленно я представляла, как подрываюсь и выхватываю булочку из рук Марины. Я отчетливо понимала, что у меня все шансы отвоевать еду, потому что у нас разные весовые категории и сработает эффект неожиданности, но...

Я налила себе из кулера стакан воды и успокоилась. Этого времени Марине хватило, чтобы доесть свою сдобу. Я медленно выдохнула, налила еще один стакан воды, как вдруг...

– Закажу себе пиццу, – решила Светлана, а в ответ на мой возмущенный взгляд пояснила. – Это не я хочу. Это просит ребенок. К тому же до конца рабочего дня еще целый час.

Час?! Я бы так не сказала. Когда пиццу доставили и по офису разнеслись запахи специй и колбасы, я поняла, что до конца рабочего дня целая вечность!

– Всем до завтра, – попрощалась я, когда часы показали шесть и сия попытка окончилась.

Домой не шла, а летела. Буквально облизывалась, представляя мамины блинчики, которые наверняка остались. А еще у нас была моя любимая колбаса. А еще... Да все равно что еще, но что-нибудь обязательно в холодильнике обнаружится! Еда во всех вариациях – других картинок в моем мозгу не возникало! Мне не терпелось поскорей добраться до дома, меня просто колбасило, и, выйдя из маршрутки, я любовно посмотрела на горящие светом окна родной квартиры и поспешно ступила на дорогу.

К сожалению, слишком поспешно, не учтя того факта, что для многих водителей мигающий желтый цвет – это то же самое, что и зеленый.

Визг тормозов. Я едва почувствовала холодное касание чего-то твердого к своему бедру. Недоуменно оглянулась на машину, которая остановилась впритык ко мне. И лишилась слов.

– Идиотка! – зато их явно хватало водителю машины, который высунулся в окно. – Корова толстая! Что, за щеками ни черта не видно? Глаза разуй!

– Виталик, успокойся, – попросила симпатичная девушка, сидящая на соседнем сиденье. – Все ведь хорошо.

- Да из-за этого бегемота в старом кафтане...
- Виталик, я прошу тебя, – снова вступилась девушка.
- Свободна! – рявкнул мне водитель.

Но я не могла даже пошевелиться. Так и стояла боком к машине, чувствуя, как ноги слабеют, а на глаза наворачиваются слезы.

Нет, плакать нельзя...

Уж точно не по этому поводу...

– Уйди с дороги! – снова высунувшись из окна, прикрикнул водитель. – Эй, недоразумение!

Не знаю, откуда взялись силы, но я накинула капюшон поверх шапочки, чтобы скрыться от света фар и все-таки смогла сделать несколько шагов к тротуару. Наградив меня еще парой «лестных» эпитетов, водитель посигналил и уехал. А я не выдержала и обернулась, глядя вслед Пежо 301, цвета бронзового металлика.

Вот значит как...

Я узнала и машину, и водителя. Естественно, узнала. Потому что это именно я три года назад выбирала в салоне эту машину, а будущий водитель этой машины – Виталик Огнев – обещал, что отныне я могу навек забыть о маршрутках и что катать в этой машине он будет только меня.

– Клянусь, Лерка! – говорил он, покрывая мое смеющееся лицо горячими поцелуями. – Лишь ты... одна в целом мире... Никто, кроме тебя, мне не нужен... Люблю тебя... Клянусь, ты слышишь меня?

– Да, – не менее страстно отвечая на его поцелуи, таяла я.

И тогда действительно верила. Всем словам. И всем клятвам. У меня не было ни одной причины не верить. Но теперь в его машине другая девушка, а я для Виталика Огнева не любимая и не одна в целом мире, а недоразумение и корова в старом кафтане.

Даже голод пропал. И тут же нахлынуло желание оправдать слова бывшего возлюбленного.

Корова? Недоразумение?

Отлично!

Да, я такая...

Кажется, с моего дня рождения остался нетронутым торт?!

Глава № 3

Фонари окрашивали снег в мутно-желтый цвет, холодный ветер противно продувал через куртку и набрасывал на лицо капюшон, медленно падающие снежинки раздражали навязчивой мокротой, и...

Остановилась, подняла голову вверх, изумленно рассматривая, как осыпаются белые хлопья, закрыла глаза.

Неподалеку слышались голоса – кто-то, как и я, возвращался с работы, но если и удивлялся, заметив, что я стою вот так, под фонарным столбом, с задранной вверх головой и закрытыми глазами, все равно проходил мимо.

И правильно. Наверное, правильно, что чужое людям безразлично.

Благодаря этому у меня была возможность отрешиться от настоящего – от того, где снег от фонарей мутный, где зимний ветер противный и где снежинки нервничают. И ненадолго нырнуть туда, где фонари светят золотом, где ветер не страшен и незаметен и где снежинки вызывают умиление и улыбку...

Мы с Виталиком зимой познакомились, в один из таких вот, заснеженных дней. Казалось бы, мегаполис, а стоило упасть снегу чуть больше нормы – и все, катастрофа. Маршрутки ехали медленно и с сильным опозданием, но все же ехали. А вот на трамвайной линии образовалась полонка, и многие оттуда поспешили к нам. Так что ничего удивительного в утренней давке не было. Удивительным было, что мне повезло впихнуться в первую же маршрутку. И тем не менее, даже осознавая степень везения, я не испытала приятных чувств, когда сзади кто-то сильно прижался.

– Простите, – послышался мужской голос, но я не поверила извинениям и перетащила висящую на спине сумочку вперед.

– Правильно, – усмехнулся мужчина. – Хотя и слегка запоздало.

Я обернулась, с подозрением посмотрев на темноволосого парня, а он буквально расплылся в кошачьей улыбке.

– Будь я специалистом в этом вопросе, – кивнул он на мой аксессуар, – ваши меры безопасности уже были бы ни к чему. Я имел в виду только это.

– Отлично, – ответила я и сильнее прижала сумочку к животу.

Сзади снова послышался смешок, но я не теряла бдительности и не оборачивалась. Тем более что чем дальше, тем больше наша маршрутка наполнялась людьми. Еще бы! Мы проезжали вдоль трамвайной линии, и водитель старался воспользоваться моментом, подбирая всех, кто умудрялся потеснить других пассажиров.

Посмотрев в окно, я определила, что мучиться осталось всего две остановки, и немного прибодрилась. Напрасно, как оказалось: на следующей остановке поток входящих и выходящих устроился, и я с трудом могла дышать, когда темноволосый парень прижался ко мне еще сильнее.

– Простите, – я услышала в его голосе улыбку, но обернуться, чтобы проверить это, не было никакой возможности. – Я извиняюсь, и это естественно... Хотя не могу сказать, что мне что-то не нравится.

– Рада за вас, – отрезала я.

– Плохо, что рады только за меня, – он притворно вздохнул. – Я бы хотел, чтобы наша радость была обоюдной.

– Вот как?

– Да, – он согрел мое ухо дыханием, а мои щеки невольной близостью.

– Вы меня очень сильно порадуете, – мне все-таки удалось развернуться и заглянуть в его глаза и даже рассмотреть в них непритворное ожидание, – если отодвинетесь от меня. Молча. И быстро.

Парень приподнял руки, словно капитулируя. Оглянулся. И неожиданно для меня умудрился отодвинуться, потеснив других пассажиров. Кое-кто из мужчин попытался возмутиться, но, наткнувшись на его взгляд, замолчал. Не знаю, что такого им показалось в его глазах, потому что на меня незнакомец смотрел со смешинками.

– Так лучше? – заботливо поинтересовался он после своего маневра.

– Значительно, – я оценила простор для дыхания.

– Каштановые волосы, голубые глаза, аппетитная фигура, – глядя на меня, перечислил он. – Сочетание убойное. Так что можете прекратить попытки убить меня взглядом. Я уже сражен, покорен и готов познакомиться. Виталий.

– Черные волосы, карие глаза, высокий рост, фигуры за курткой не видно, – перечислила я, бесцеремонно рассматривая его. – Не безнадежное сочетание. Но можете прекратить смотреть на меня с таким аппетитом, потому что я не сражена и знакомиться не собираюсь. Моя остановка.

Заметив, что в карих глазах пропали смешинки, я усмехнулась, бойко протиснулась мимо других пассажиров и вышла на своей остановке.

Фух.

Поддавшись порыву махнуть на прощание ручкой, обернулась и... заметила, как из маршрутки вышел мой несостоявшийся знакомый. Не осталось и грамма сомнений, что это не совпадение, когда он подошел ко мне и предвкушающе улыбнулся, заметив, что я нахмурилась.

– Если я скажу, что вы не в моем вкусе, вы отстанете? – поинтересовалась я.

– Если я скажу, что вы в моем вкусе, вы останетесь? – поинтересовался он.

Качнув головой, уверенно пошла прочь. Вообще-то, симпатичный парень, но его поведение...

Скрип снега за спиной заставил обернуться и снова встретиться с взглядом карих глаз.

– Знаешь, – Виталик как-то быстро перешел на «ты» и так же быстро оказался рядом, – если девушка завораживает мужчину, он имеет право хотя бы узнать имя волшебницы...

Его дыхание – мятное, с примесью каких-то дорогих сигарет – коснулось моего лица. Его глаза – карие, с темными глубинами, что в них прятались, – буквально впились в мои. Его ладонь – чуть прохладная, потому что он был без перчаток, – обожгла мои скулы скромной лаской. А голос обволакивал теплотой, когда он, склонившись надо мной, зашептал.

– Никогда не думал... – начал он и вдруг весело рассмеялся. Снова взглянул на меня с каким-то неверием и качнул головой. – А я счастливчик! Никогда не думал, что так бывает...

– Как? – теряя терпение и уверенность одновременно, спросила я.

– Вот так. Нереально, – его улыбка заставила улыбнуться в ответ. – Когда видишь девушку впервые в жизни и понимаешь: все, ты попал! Больше никаких разгильдяйских компаний, никаких вечеринок по несколько дней, но плевать... Потому что она – твоя! Ты моя, волшебница! Понимаешь? Это я о тебе говорю... Понимаешь, что происходит?

– Да, – кивнула я ему и улыбнулась. – Пикап.

А потом отвернулась и продолжила путь.

Шагов за спиной больше не было слышно. И когда у поворота я обернулась, парня не было тоже.

Стало немного грустно, что это знакомство оказалось обычной попыткой съема доверчивой барышни, но... Какая разница? Я ведь не поддалась, не поверила. Могу гордиться собой.

И я гордилась. Хотя несколько дней, когда ездила на работу, невольно присматривалась к входящим в маршрутку мужчинам: а вдруг?...

Потом махнула рукой: поняла, что пикапер нашел себе кого-то другого. А потом, еще через несколько дней, на остановке возле своей работы снова встретилась с ним.

Я не сразу его узнала – иду себе, радуясь, что, несмотря на зиму, погода ничуть не холодная, и вдруг вижу букет. Огромный букет белых роз. При моем приближении букет чуть-чуть опустился, и из-за него показалось лицо недавнего попутчика из маршрутки.

– Привет, – сказал он с улыбкой.

Я ужасно смутилась, и только этим могу объяснить, что просто кивнула в ответ и попыталась его обойти.

– Простите, – он сделал шаг в сторону, преграждая путь, а через секундную паузу выдал: – Который час?

– Устарело, – так я оценила его попытку еще раз со мной познакомиться.

И вдруг перестала смущаться. Совсем. Стараясь не рассмеяться, я смотрела на парня, а тот подумал-подумал и выдал:

– Кай пройти в центральную библиотеку?

– Поросло плесенью, – отвергла я и этот вариант.

Парень соорудил скорбную рожицу, на секунду спрятал лукавый взгляд за веером черных ресниц и как-то совсем печально и тихо спросил:

– И когда злая фея снова обернется доброй волшебницей, вы тоже мне не подскажете?

Я улыбнулась. Он словно почувствовал смену в моем настроении и взглянул на меня.

– А мне ведь, чтобы расколдовать, надо всего лишь узнать ее имя, – протянул жалобно. – Только имя. Я многого не прошу...

И я неожиданно рассмеялась. И также неожиданно сказала:

– Лера.

И что вообще удивительно – позволила проводить себя к офису, взяла букет, а вечером пошла на свидание. Потом на следующее. Потом еще на одно. И еще.

Со временем я влюбилась. Сильно. Взаимно. Безумно. И зря.

Мне надо было сразу обратить внимание на это его увлечение феями и волшебством. Тогда бы удалось избежать сильного разочарования и непроглядной тоски после того, как мы с ним расстались. А может, у меня бы даже получилось сберечь наши отношения. Пожалуй, был такой шанс. Но поняла я это, когда уже нельзя было ничего исправить, да и не хотелось, если быть откровенной...

Тогда ничего не хотелось. Даже дышалось с трудом, по привычке...

Медленно выдохнув, я открыла глаза, поймала ртом падающую снежинку и осмотрелась. Горящие окна родного дома окутали душу теплом и вытеснили мысли о прошлом. Потянули к себе, и я с удовольствием поддалась их зову...

– Привет, мам, – едва переступив порог, поцеловала самого родного для меня человека.

Вот любовь. Настоящая. И свет в коридорчике, и мама встречает, и куртку берет, чтобы она не мешала мне, и целует в ответ.

– Как дела? – и такой у нее взгляд, добрый, немного встревоженный, все подмечающий.

– Нормально, – бодренько отчиталась я. – Только есть очень хочется.

– Весь день голодала? – немедленно догадалась мама.

– Ага, – тут же призналась я, потому что знала, что все равно поймут и простят.

– Понятно, – мама повесила мою куртку и, удаляясь на кухню, отдала приказание: – Быстренько переодевайся, я тебя жду.

– Будет исполнено! – я разулась, зашла в комнату, переделась в удобные брюки и длинную майку. Нырнула в мягкие тапочки, поджидавшие под кроватью, и, спеша к своему «командиру», поинтересовалась: – Мам, у нас же остался торт?

– Пока да.

– Что значит пока?

Я зашла на кухню и с удивлением увидела тарелку с супом и куцей куриной ножкой. Перевела взгляд на невозмутимую маму. Залив водой пакетик зеленого чая, она добавила в чашку лимончик и села за стол. Тарелка с супом предполагалась явно не ей.

– А торт? – напомнила я.

– Ты говорила, что решила худеть, – напомнила мама.

– Не говорила, – голубые мамины глаза недоверчиво прищурились, и я поспешила внести уточнение. – Решила, но не говорила, чтобы оставить себе путь к отступлению.

– А если решила, – она приглашающее махнула рукой в сторону приготовленного для меня блюда, – давай не будем отступать и попробуем это сделать?

– Как будто это легко, – буркнула я, размещаясь на стуле и поглядывая на суп. – Особенно когда знаешь, что в холодильнике целый торт!

Мама встала, открыла дверцу шкафчика и продемонстрировала мусорное ведро с пакетом, в котором сверху, потому что не поместился, стоял мой праздничный торт. Вкусный, с яркими глазками-вишенками, с грустью посматривающими на меня, и все такой же нетронутый.

– Так легче? – закрыв дверцу шкафа, мама села за стол и взялась за чашку.

– Нет, – честно ответила я.

И начала есть суп, стараясь сдерживать улыбку. А когда с ним было покончено, откинулась на спинку стула и посмотрела на маму, которая за мной наблюдала.

– Ну как? – спросила она.

– Вкусно. Но не уверена, что завтра совершу такой же подвиг, – призналась со вздохом. – Знаешь, я только сегодня поняла, что возле работы созданы все условия чтобы толстеть. Два кафе, Макдональдс, еще одна сеть быстрого питания-поедания. И коллеги, как назло, не ленятся то и дело пройтись туда и купить что-нибудь вредненькое.

– Осознание – это важный шаг, – заметила мама.

– Это кто сказал?

– Без понятия, – мама пожала плечами. – На днях прочла в интернете.

Она допила чай, помыла чашку и вышла. Я начала мыть за собой посуду и услышала ее голос из зала:

– Лер, давай быстрее, я тебе жду!

– Это очень приятно! – крикнула я, вытерла посуду, расставила и поспешила к ней.

Мама сидела на большом диване, который мы год назад выбирали вместе. Как раз вот для таких посиделок.

– Иди сюда, – она похлопала ладошкой рядом с собой.

Я подошла, села, а потом мама убрала мягкую подушечку с другой стороны от себя, и я не удержалась от стога, увидев, что под ней пряталось.

– Ну, м-а-ам...

– Лера, здесь нет ничего страшного. Наоборот, здесь все очень красиво.

Мама открыла первый из четырех альбомов с фотографиями, и перед глазами замелькали яркие картинки из нашей жизни, на которых я была стройной, веселой и, если сравнить с собой нынешней, безумно красивой...

Глава № 4

Я не заметила, как осталась одна.

Мама ушла в свою комнату, а я сидела на диване, поджав колени и рассматривая фотографии.

Школа... Институт... Пустой офисный кабинет моей первой и пока единственной работы...

Это сейчас у нас в офисе с переменным посещением целых четыре человека, а когда я устроилась в оптовую компанию по продаже канцтоваров, из сотрудников там были только я и шеф. Потом появились кладовщик и учетчик, потом водитель, спустя год к нам устроилась Светлана, а до этого шеф сам вел переговоры и с поставщиками, и с покупателями и сам возил товар.

Кстати, вот и Степан Леонидович. Несмотря на вполне приятную внешность, фотографироваться он не любил и в кадр попал чисто случайно. Присмотрелась к шефу – ничуть не изменился за четыре года, что мы знакомы. Все такой же подтянутый, черные волосы с проседью на висках, но выглядит моложе своих пятидесяти. Лет на пять точно.

Удивительно, нашла еще одну фотографию с ним. Здесь мы вдвоем, смеемся под новогодней елкой. И вот именно здесь как раз сильно заметна разница. Да, точно. Я давно не слышала смеха шефа. И давно не видела, чтобы он улыбался. Он как-то потух.

Казалось бы, бизнес набирал обороты – да, несмотря на наши вялые телодвижения и означенную зарплату, это именно так. У шефа появилась молодая и красивая любовница, на которую заглядывались ребята раза в два моложе его. Но веселья, искры в глазах, азарта у шефа не стало.

Как же так, Степан Леонидович? Как же так?... Впрочем, мне ли судить?

Если у шефа внутренние перемены, то у меня глобальные внешние. Хотя, я думаю, все это взаимосвязано. Я тоже изменилась, выгорела, закрылась, и именно это привело к набору лишнего веса. Толстых видят, но словно не замечают. Если, конечно, они одеты не вызывающе, намеренно привлекая внимание. Толстые проходят мимо, а взгляд на них не задерживается. Я говорю так не потому, что хочу кого-то обидеть. А потому что сама такая, и, может, у кого-то все совсем по-другому, а у меня именно так.

Темная безразмерная одежда – современная, но безликая. Вместо сексуальной обуви – удобные кроссовки, сандалии, зимняя обувь тоже на плоской подошве. Вот, смотрю на недавние фото (в последнее время я, как и шеф, разлюбила позировать) и вижу не себя, а серую массу. И понимаю, что в этом образе «невидимки» удобно. Никто не обращает внимания, не пытается познакомиться, чтобы потом облить грязью...

Конечно, я замечала харизматичных пампушек, которые выделялись на сером фоне, слышала, что есть пышные женщины, которых мужчины боготворят. Возможно, здесь дело вкуса. Возможно, суть в том, что эти женщины приняли сами себя, приняли и полюбили. И они живут, наслаждаясь жизнью. А я, наоборот, от жизни спряталась. И успокоилась. И целых два года безвольно плыла по течению.

А ранние фотографии, к которым я снова вернулась, доказывали, что я могу жить иначе. В десятом классе я уговорила маму забрать мои документы из школы, которая находилась буквально под окнами нашего дома, и перевелась в лицей в другом районе. Да, приходилось вставать пораньше и учиться усердней, потому что там была серьезней программа. Но я хотела поступить в институт на бюджетное отделение, и поступила. Хотя никто из папиной родни в это не верил.

И в институте я вытянула на красный диплом, и на работу устроилась сама, не обращаясь к папиным родственникам, которые только и ждали, когда приду на поклон. Они до сих пор

намекают, что если что, у них найдутся вакансии и для меня, и для мамы, но я надеюсь, что обращаться к ним за помощью не придется.

Тогда у меня были силы не отступать от намеченных целей. Были... А после Виталика... После Виталика цели пропали. Впрочем, дело не только в нем.

Глядя на наши совместные фотографии, где свет не столько от солнца, сколько от счастливых улыбок, как-то не верится, что все будет вот так...

Он с другой. Я ни с кем. И в таком виде.

Интересно, его квартира все еще похожа на улей? Пять комнат, практически центр города – родители денег на сына не пожалели. Но на этой большой территории было очень сложно уединиться. В квартире Виталика постоянно тусовались его друзья. Они сидели в его квартире днем, они были там утром, они никуда не уходили и ночью. Лица менялись, а друзья оставались. Они были в квартире даже тогда, когда там не было Виталика.

И вели себя как хозяева. Брали, что хотели. Ходили, где хотели. Приводили своих подружек. А те трогали мои вещи.

– Ну чего ты злишься, Лерка? – искренне удивился Виталик, когда я в первый раз заметила и пожаловалась, что кто-то пользовался моей косметичкой. – Подумаешь: взяли на время пилочку для ногтей! Да я тебе завтра десяток куплю! Хочешь?

– Не в этом дело, Виталик, – попыталась ему объяснить, – я сама могу купить себе новую пилочку, просто...

Но он не захотел слушать, что чужие вещи без спроса не принято брать и что уж тем более не принято пользоваться настолько личными вещами.

– Ерунда все это, Лерка! – смеялся он. – Мелочи жизни!

– Это средства личной гигиены, – сдаваясь под натиском его смеха и поцелуев, все же заметила я. – Это как если бы... как если бы кто-то взял, например, мою пемзу для пяток! Или нижнее белье!

– И тогда бы я все равно попросил тебя не расстраиваться, – не проникся он. – А пошел и купил тебе что-нибудь... ажурно-провокационное... Разве это так плохо – обновка? Лерка, смотри на мир проще!

Проще...

Ну да, казалось бы, куда проще...

Но я не смогла прибегнуть к совету Виталика, когда однажды обнаружилось, что кто-то из подружек его друзей воспользовался-таки моей пемзой для пяток! А кроме нее – моим бритвенным станком (о шампунях и гелях даже не упоминаю), и вдобавок позаимствовал мой новый комплект белья.

Виталик по-прежнему просил смотреть на это, как на повод требовать с него обновки. А я видела в этом хамство и воровство.

Я порывалась поговорить с его друзьями, поговорить по-хорошему – попросить, объяснить, но Виталик мне запретил.

– Я сам, – сказал жестко. – Больше никто и никогда не прикоснется к твоим вещам.

При этом взглянул на меня так, будто уличил в каком-то заговоре против него. Но прежде чем я успела спросить, прежде чем попыталась выяснить, что на него нашло, обнял и зашептал:

– Лерка... Лерка... Мне кажется, я люблю тебя...

И так как это было первое признание от него, и он тоже не был мне безразличен, я напрочь забыла и причину конфликта, и взгляд, который насторожил меня. Я утонула в поцелуях и нежности любимого человека, а он, действительно, поговорил с друзьями, и мои вещи перестали исчезать из квартиры.

Идиллия.

Но длилась она не больше недели.

Просто однажды я поняла, что мои вещи по-прежнему воспринимаются как общее приобретение коммуналки, но теперь их успевают возвращать до моего прихода. А вот следы заметили плохо. Было противно обнаружить странные бледные пятна на коротком черном платье, которое я обожала.

– Взгляни, – продемонстрировала Виталику.

Несмотря на его предложение жить вместе, я не спешила переехать со всеми вещами. Взяла только самое необходимое и любимое. Возможно, я бы рискнула попробовать каково это – жить вместе с мужчиной, если бы не бесконечный караван друзей и подружек, имена которых я уже не пыталась запомнить.

– Дорогое платье, – оценил он, едва взглянув на него. – У меня возле работы есть хорошая немецкая химчистка. Хочешь – я завтра завезу его туда?

– Я хочу не этого, – устала в который раз повторять одно и то же, но приходилось. – Я хочу, чтобы перестали пользоваться моими вещами!

– Я тебя понял, – он попытался отвлечь меня улыбкой и поцелуями – беспроегрышный вариант. Но я сильно злилась, и ему это не понравилось. Нахмурился. Скрестил на груди руки. Отрывисто поинтересовался: – Что не так?

– А что так?! – взорвалась я.

– Прошу тебя, Лера, – процедил он, отвернувшись от меня и рассматривая закрытую дверь комнаты. – Не устраивай трагедии из-за двух капель сока!

– Сока?!

Хотелось знать, как он определил происхождение странных пятен, но Виталик, не обращившись, шагнул к двери. Открыл ее. И ушел.

Прождав его около часа, почувствовала себя полной дурой, взяла сумочку, платье, которое решила завтра сама отнести в химчистку, вышла из комнаты и... остановилась, услышав голос Виталика.

Значит, он дома?

Вышла в гостиную, отметила взглядом веселые лица его друзей, бутылки пива, вино, щедро наливаемое очередным незнакомым барышней, Виталика, корольком восседающего среди этого бедлама на больших диванных подушках. Он смеялся, пил с друзьями пиво, и ему было плевать, что я сижу в комнате и его жду. Помнил ли он вообще о моем присутствии?

Не знаю. Но напоминать ему я не собиралась.

Из другой комнаты вышла незнакомая девушка, окинула меня насмешливым взглядом, с куда большим интересом взглянула на платье, которое я держала в руках, и грациозной походкой прошла в гостиную. Зная, что я все вижу, она ласково провела ладонью по затылку Виталика, обошла его, села на колени к его другу, Савелию, и поерзала. Потом еще раз. Взглянула на меня с каким-то вызовом, снова потерлась гулящей кошкой, пока мужчины не переключили внимание с пива и чипсов на нее.

– Хороша? – спросил Савелий у Виталика, ныряя рукой под платье девушки.

– Хороша, – согласился тот, рассматривая незнакомку.

– Ты ее еще в черном платье не видел! – поделился Савелий со смехом. – Она когда надела его... Это что-то... Я даже снимать не позволил – так взял... Задрал и все. Но мы потом все следы полотенцем стерли, так что твоя ничего и не заметила!

Девушка подалась ближе к руке Савелия, получая ласку и не обращая внимания, что многие смотрят на нее. А я подошла к ее приятелю и, игнорируя присутствие Виталика, сказала, глядя прямо в бесстыжие глаза, смотрящие на меня с холодком:

– Да нет, как раз заметила, к сожалению.

А потом, не оглядываясь и делая вид, что не слышу Виталика, пошла прочь.

– А платье? – крикнула девушка. – Платье оставишь?

Вот эти слова заставили остановиться. Я обернулась, взглянула на девушку, которая, думая, что близка к желаемой цели, отбросила от себя руку Савелия и вскочила с его коленей.

– Зачем оно тебе? – поторопила она меня с наглой улыбкой. – Теперь наверняка не наденешь.

– Да, – я и спорить не стала. – Ты сделала все, чтобы я его не надела. Но мое платье все равно не получишь.

– И что ты с ним будешь делать?!

– Сдам в химчистку, – пояснила спокойным тоном, несмотря на бушующий ураган внутри. – А потом отдам в благотворительный фонд.

– Лерка... – Виталик попытался что-то сказать, но у меня не было желания ни слушать, ни оставаться в квартире еще хоть одну лишнюю минуту.

Поэтому я повернулась к Савелию, выдержала неприязненный взгляд и сказала:

– С тебя триста пять долларов. И то потому, что на платье была приличная скидка.

А вот после этого, в полном молчании, таком непривычном для квартиры Виталика, я ушла.

Глава № 5

Любые чувства меняют картинку реальности – сочувствие, жалость, симпатия. Что уж говорить о любви?

Я уходила в полной уверенности, что не вернусь, и позволяла себе так думать несколько дней. А потом Виталик снова ворвался в мою реальность. Как вихрь, как безмятежное пламя. Без извинений, выяснения отношений, без звонков, СМС, которых, признаваясь только себе, ждала эти дни.

В один из вечеров я вышла из офиса, спустилась по лестнице и увидела, как он стремительно выходит из знакомой машины. Не сбавляя шага, подходит ко мне, берет за руку и заставляет идти за собой.

Не оборачивается. Смотрит прямо перед собой. Холоден и уверен в себе. И так же уверен, что я соглашусь идти вместе с ним.

Попыталась вырваться – сжал сильнее ладонь, и только. Даже не обернулся. Почти силой подвел к машине, и только тогда отпустил, открыл дверь со стороны пассажира, взглянул на меня.

– Я никуда с тобой не поеду, – заявила ему и отвернулась, рассматривая огни остановки. Он достал телефон, кого-то набрал и сказал:

– Мама, Лера отказывается с тобой знакомиться.

Я перевела взгляд на него. Он убрал телефон от уха и сказал уже мне:

– Мама говорит, что давно мечтала познакомиться с девушкой, которая заставила ее оболтуса взяться за ум. И просит тебя исполнить ее мечту и приехать.

– Взяться за ум? – с сомнением посмотрела я в глаза со смешинками.

– Значит, с «оболтусом» ты согласна... – притворно задумчиво протянул он и открыл шире дверь. – У тебя определенно найдутся общие темы с моей мамой. Присаживайся, и поедем.

Но я не торопилась менять зимнюю улицу, где румянец легко списать на мороз, на салон машины, где сразу станет понятно, что я смущена. И растеряна. И не знаю, что говорить и что делать...

Он хотел меня познакомить с мамой...

Серьезный шаг, говорящий о многом.

Но я не была готова снова шагнуть в бедлам его дома. Несмотря на чувства к нему. Несмотря на взаимность. И несмотря на то, что ужасно хотела обнять его и снова почувствовать вкус его губ.

Я могла бы спокойно жить с ним в квартире, где была бы всего одна комната, но если бы эта комната была только наша.

А так...

Что изменится от того, что я познакомлюсь с мамой Виталика?

Мы снова вернемся к тому, с чего начали, и... вновь разойдемся. Я больше не буду делиться. Я больше не буду молчать. Я больше не буду ждать, когда он со всем разберется.

– Я всех разогнал, – слова Виталика заставили меня вынырнуть из размышлений.

Не поверила. Подумала, что показалось. И услышала вновь:

– Лерка, я всех разогнал. В тот же день, когда ты ушла.

А потом он сделал один только шаг, обнял меня и, прибегая к запрещенному приему – сводящим с ума поцелуям, попросил:

– Ну хватит злиться. Хватит. Лерка, возвращайся ко мне! Я сильно соскучился...

И так как тоже безумно скучала, я сдалась под натиском поцелуев.

Этим же вечером он познакомил меня не только с мамой, но и с отцом. Ужасно волновалась перед встречей, но его родители мне понравились. И, судя по их довольным улыбкам, я им понравилась тоже. Чуть позже, когда мы на кухне готовили чай для мужчин, мама Виталика подтвердила мои надежды и поделилась своими, серьезно меня огоршив.

– Валерия, – сказала она, пройдясь по мне взглядом-рентгеном, – я вижу, что ты хорошая, сильная девочка. Сильная, понимаешь? Именно такая нужна Виталику. Я давно ждала и хотела посмотреть, кто же заставит его одуматься. Но он привык, что ему все можно, все слишком легко достается. Он знает свои сильные стороны и удачно использует их. Но я мать, и я вижу, в чем его слабость. Ты тоже это заметила. Не переживай, я не против. Наоборот. Я благодарна, что ты очень эффектно напомнила об этом Виталику.

Я непонимающе смотрела на женщину. О чем она? Чего ждет от меня? Я подозревала, что ее приглашение «давай-ка дружно сделаем чай» имело подтекст, но думала: она хочет проверить мою хозяйственность. Теперь же осознала, что у мамы Виталика в отношении меня более глобальные планы.

– Валерия, пожалуйста, не делай такое удивленное лицо и не разочаровывай меня, – с улыбкой попросила женщина. – Ты ведь умная девушка, и я уверена, что ты заметила, как легко Виталик поддается влиянию. Конечно, у него есть свое мнение, и слава Богу! Но его так легко убедить перейти на другую сторону. И он искренне будет полагать, что сам изначально так и считал.

Женщина налила чай в две маленькие, расписанные цветочками чашечки, одну протянула мне, а из второй сделала интеллигентный глоток. Странное сравнение, но именно так она и пила – медленно, важно, со значением. И так же смотрела на меня – внимательно, с ожиданием и планами, расписанными на пятилетку вперед.

– Валерия, не переживай, – она мягко улыбнулась и подмигнула, как подруга подруге. – Я – мама. Естественно, я желаю своему сыну только лучшего. Но я не буду давить на тебя и не буду вмешиваться в ваши отношения. Только если ты сама попросишь в чем-то помочь.

– Почему? – удивленно ляпнула я.

– Я уже говорила. Потому что ты идеально ему подходишь, – заметив мой задумчивый взгляд, она пояснила. – Ты сильная, симпатичная девушка, действительно любишь Виталика, и я вижу, что для него ты тоже не проходной вариант. Не буду лукавить, меня более чем устраивает, что в ваших отношениях нет расчета и что вы из одного социального круга.

– С последним утверждением я бы поспорила, – заметила я.

– А я бы не стала, – женщина рассмеялась и ловко ушла от моих объяснений. – Валерия, бери поднос с чашками, а я захвачу заварник и торт. Мы с тобой водицы напились, а мужчины все еще ждут.

– Марина Андреевна... – взяв поднос, на который мне указали, попыталась я еще раз все объяснить.

– Я знаю, что у тебя нет машины, поэтому мы и купили ее Виталику, – она взяла заварник и торт, охлаждавшийся в холодильнике, и уже без тени улыбки взглянула на меня. – Я знаю, что ты живешь вместе с мамой в трехкомнатной квартире у парка. Знаю, что квартира большая, уютная, но все же влюбленные должны жить отдельно и вить собственное гнездо, поэтому мы не препятствовали, когда Виталик захотел и переехал от нас в свободную квартиру. Я также знаю, что ты привыкла к хорошим и дорогим вещам, несмотря на то, что одеваешься не вычурно и последний год отчаянно пытаешься выжить на смешную зарплату. Я знаю все, что мне надо знать как маме, Валерия, а сейчас, пожалуйста, приди в себя и открой эту дверь.

На ее губах снова появилась мягкая улыбка, маскируя деловую и очень волевою натуру.

– Мужчины ждут, Валерия, – напомнила она, а когда я не сдвинулась с места, продолжая смотреть на нее, рассмеялась: – Приятно, что моя компания тебе настолько понравилась. Но разве ты не соскучилась по Виталику?

– Соскучилась, – честно призналась я и по довольным глазам женщины поняла – она почувствовала, что я не лгала.

И ей это очень понравилось. Настолько, что весь вечер она была душой нашей компании. Она не задавала провокационных вопросов, пытаюсь в чем-то меня уличить, а наоборот, по большей части рассказывала сама, иногда по-доброму подшучивая над сыном и мужем и ловко втягивая меня в семейные разговоры.

Но, несмотря на радушие, я не могла расслабиться и чувствовала себя несколько скованно. Из головы не выходили ее слова насчет Виталика и моего социального уровня...

Что из ее слов обеспокоило меня больше? Трудный вопрос. Пожалуй, меня напрягало все, что она сказала.

И тем не менее, когда мы вышли из гостей и Виталик поинтересовался, как мне его родители, я, не покривив душой, сказала ему:

– Понравились.

Но даже обрадовалась, когда у машины он стал объяснять, что сегодня поехать к нему не получится, что у него встреча с друзьями, которая давно запланирована, а вот в другой раз...

– Ладно, давай в другой, – прекратила я его мучительно долгие объяснения.

– Не обидишься, Лерка? – он с надеждой взглянул мне в глаза.

– Обижусь, – пообещала ему. – Но ты загладишь свою вину.

– Всегда готов! – он дурашливо приосанился, открыл дверь машины, обернувшись, взглянул на окна, махнул рукой и сел за руль.

У моего дома мы были через двадцать минут – рекордные сроки, если учесть, что это разные части города. Два быстрых поцелуя, взмах рукой, и Виталик уехал. И даже такая спешка меня не насторожила. С чего бы? Только что состоялось знакомство с мамой, даже она говорила, что у него это всерьез, так что я не видела повода для беспокойства. К тому же мне хотелось побыть одной, еще раз мысленно прокрутить в памяти слова Марины Андреевны...

– Привет, – окликнул меня неуловимо знакомый голос, и прежде чем я успела испугаться или понять, кто это, мужчина услужливо шагнул под свет фонарей.

– Савелий? – я вопросительно взглянула на позднего визитера.

В том, что он пришел именно ко мне, даже сомнений не возникло. Он, по слухам, жил в том же районе, что и Виталик, к тому же будь у него в моем подъезде другие знакомые кроме меня, я бы знала. Хоть раз, но увидела бы его раньше и точно запомнила.

Внешность Савелия к этому очень располагала: высокий рост, светлые волосы всегда чуть взъерошены, на лице зачастую щетина, стальные прищуренные глаза и усмешка человека, который знает, что у вас нет ни единого шанса избежать воздействия его природного очарования.

Добавить к этому дорогую одежду, крутой байк, на котором он не только разъезжал по городу, но участвовал в каких-то байкерских гонках и сходках, и становились понятны слова Виталика, что у его друга, в отличие от него самого, постоянного и влюбленного, имеется целая очередь из восторженных фанатов, которые ради своего кумира готовы на все.

Ну да, и если вспомнить откровенную сцену в гостиной, преград для них не было...

– С размером уверен, что угадал, – бесцеремонно рассматривая мою фигуру, сказал Савелий, – а вот с фасоном...

Он шагнул к байку, который я сперва не заметила, взял какой-то пакет и протянул мне.

– Проверь.

– Неужели платье?

– Ужели, – дождался, когда открою пакет, увижу в свете ночных фонарей черное совершенство и взгляну на него. Усмехнулся и довольно определил: – И здесь угадал.

– Красивое, – сдержанно согласилась я.

– Так и задумывалось, – ответил он и отошел к байку.

Проследив за ним, сделала пару шагов к подъезду. Услышала, как завелся байк, и, обернувшись, поспешно крикнула:

– Как задумывалось?!

Он окинул меня странным взглядом, подарил свою фирменную усмешку и, не ответив, растворился в ночи.

– Даже до свидания не сказал, – ворчливо буркнула я, но потом вспомнила, что и сама, немного опешив от подарка, особой вежливостью не отличилась, и решила не обижаться по пустякам.

Придя домой, захотела рассмотреть платье внимательней, достала из пакета, и... Вместе с платьем на кровать упала ромашка. От Савелия? Мне?! Может, покупал кому-то букет и одна потерялась?

Впрочем, нет, я знала, что эти отговорки от неожиданности, а цветок предназначен мне. Поставив его в стакан с водой, полюбовалась немного и примерила платье. И не удержалась от смущенной улыбки, любуясь своим отражением – оно сидело великолепно! А потом залезла в интернет, взглянула на цену моей новой, но уже любимой обновки, и обомлела.

Оно стоило как три моих черных платья!

Три!

И без какой-либо скидки...

Едва я начала терзаться муками совести, требующей вернуть платье дарителю, как мой телефон сообщил о новом СМС. С незнакомого номера. Нахмурилась, потому что не слишком люблю такое, ведь я не склонна давать свой номер кому попало, но сообщение все же открыла. И удивленно ахнула, прочитав:

«Обратно не приму. Так и задумывалось: красивое – для красивой. Сохрани мой номер. Мало ли... Спокойной ночи.

Савелий».

Глава № 6

Спокойной ночи...

Ну да, взглянув на часы и увидев, что стрелки переползли за час ночи, поняла, что давно пора бросать фотографии, выныривать из воспоминаний и ложиться спать.

Прошное никуда не торопится, оно статично, а вот работу на завтра никто не отменял.

Готовясь ко сну, взглянула в зеркало в ванной, отрешенно смыла остатки слез и ушла к себе в спальню. То, что я растрогалась и втихаря разрыдалась, раздражало: лицо, конечно, за ночь избавится от припухлости, а вот глаза будут болеть. Значит, надо встать чуть пораньше и сделать огуречную маску. Сменила время будильника на мобильном, немного покрутилась, изгоняя из мыслей тени прошлого – некогда, спать хочу, и уснула.

А утро началось с моего стога и непередаваемых ощущений.

Ну что за напасть?!

Болело все. Абсолютно все, кроме век и лица, о которых я вчера беспокоилась!

Без боли я не могла даже пошевелиться – такое ощущение, что ночью воспоминания накатили военным танком и... забыли отъехать, даже когда жертва была полностью раздавлена!

Попытка встать закончилась очередным болезненным стоном и полным провалом. Попыталась хотя бы перевернуться набок и сползти с кровати – тоже не выдержала и сжалась в комок.

– Что случилось? – видимо, услышав мои терзания, в комнату заглянула мама.

– Я не в силах подняться, – пожаловалась дорогому и любимому человеку, который всегда поймет.

И получила в ответ понимающую улыбку, нежный поцелуй в правую щеку и заверения у двери:

– Лера, ты себя просто недооцениваешь. Ты у меня сильная. Потому что не просто выдержала один день в спортклубе и теперь за это расплачиваешься, но не побоишься снова появиться на тренировке. Я права?

– Нет! – воскликнула я, но мама сделала вид, что не расслышала и закрыла за собой дверь в мою комнату.

Я разочарованно повздыхала, а потом посмотрела на часы, поняла, что хочу или нет, а пора вставать, и, отыскав лишь отголоски силы, на которую намекала мама, сумела приподняться. И даже сползти с кровати. И дойти до ванной. Чтобы с надеждой и страдальческим стоном встать под горячие струи воды и хоть немного унять боль в мышцах, о наличии которых до недавних пор я даже не подозревала.

Естественно, что в таком настроении у меня не было ни сил, ни желания оспорить завтрак в виде овсянки. Съела, сколько смогла, запихнула в сумочку два судка с чем-то не вызывающим аппетита, переделась и неспешно, чтобы не причинять себе дополнительной боли, поплелась к выходу.

Чего мне стоило нагнуться и застегнуть молнию на сапогах – и вспоминать не хочу. В глазах потемнело, я даже присела на пуфик, а когда развиднелось, увидела маму и пакет, который она держала в руках.

– Тоже мне? – спросила с надеждой на обратное.

– Жду после тренировки, – мне безжалостно протянули пакет и проследили, чтобы я вышла вместе с ним, а не оставила его на пуфике вместо себя.

Жестоко.

Но я понимала, что иначе никак.

Мой жир не хотел меня покидать и сопротивлялся как мог. Болью в мышцах, мнимой забывчивостью – ведь так легко сделать вид, что форма и кеды по стечению обстоятельств

остались дома! А еще настроением хуже некуда и аппетитом, выныривающим из забытья у кафешек, Макдональдса и других забегаловок.

Но мне удалось не сорваться и спокойно доехать до офиса. Так же почти спокойно удалось досидеть до одиннадцати, когда появилась Светлана. И сорвалась я, только увидев в ее руках рулет с маком!

– Ты даже не представляешь, – кивнув в знак приветствия, она прошла к своему рабочему месту, помахивая рулетом у меня перед носом. – Я так спешила, что не успела позавтракать! Но я настолько проголодалась...

И тут она наткнулась на мой взгляд, плюхнулась на стул и нервно и громко сглотнула.

– Что случилось?!

– Света, у тебя только один выбор, – честно предупредила я, тоже нервно и громко сглотнув. – Или ты съедаешь этот рулет за десять минут. Или ты так и будешь сидеть голодной.

– Как?! – поразила она и хотела было уже оспорить мое заявление.

– Света, – я бросила взгляд на монитор, сверяя часы. – Вчера на ужин у меня был только суп. Сегодня на завтрак – овсянка. Но так как ты медлишь, велики шансы, что несправедливость будет исправлена и этот рулет съест не твой ребенок, а я.

Света тут же раздумала спорить и принялась за свое маковое «безобразие». А я ей даже чай сделала и принесла, чтобы она не давилась в спешке. Сама же, не глядя на нее, принялась за обзвон кандидатов на должность водителя. Когда все намеченные ожидаемо отказались от нашего предложения, Света как раз доела рулет, а я успокоилась.

Но тут произошла новая неприятность. Открылась дверь, вошла Марина и, продефилировав к нам, водрузила на мой стол коробку с заварными пирожными.

– А я сегодня пораньше, как видите, – сказала она, снимая пальто, шелкая чайником на ходу и присаживаясь напротив меня. – Такая тоска на душе. Давайте немного себя порадуем?

Я неотрывно смотрела на коробку с пирожными. Тоска на душе у меня тоже была. И порадовать себя тоже хотелось. И составить компанию Марине я была вовсе не против. Но у Марины не было лишнего веса. И такого стимула, чтобы как можно скорее избавиться от него.

Кстати, о стимуле.

А вдруг у меня его тоже нет?

– На всякий случай мне тоже одно оставьте, – попросила коллег и, взяв мобильный, прихрамывая, вышла из кабинета.

Осмотревшись в пустом коридоре, пока не одумалась, быстро набрала короткое СМС:

«Привет».

Решила, что маловато, добавила смайлик и отправила это содержательное послание на новый контакт – Макару.

К моему удивлению, ответ пришел почти мгновенно, но куда больше меня удивило содержание входящего СМС:

«Уже?»

Забавно. Оно было так же лаконично, как и мое сообщение. С таким же смайликом, как у меня. Но самое удивительное заключалось в том, что Макар догадался, что это я!

А как?

Подумав, задала этот вопрос во втором сообщении и выбрала проказливый смайлик с высунутым языком.

«Именно так», – тут же пришел ответ.

И пока я отвлеклась на проходящих мимо сотрудников других компаний, мобильный отозвался новым сообщением:

«Мой номер мало кто знает. И никто из тех, кто знает, не пишет мне сообщения».

«Понятно», – моим ответом стал растерянный смайлик.

А что еще написать? И стоит ли его отвлекать? И вообще, сейчас мне вся затея с нашим пари казалась ужасно глупой. Как и порыв напомнить о себе, не дать забыть, убедиться...

Ну вот, убедилась, что помнит. И что? Он просил позвонить, когда я сброшу пять килограмм. Я сжульничала и написала ему сообщение раньше. А что дальше?

А дальше тупик.

И бред. И галиматья. И да ну это все!..

«Я помню о нашем пари. Жду. У тебя получится» и маленький смайлик в виде поцелуйчика заставили меня унять панику, отбросить смущение и написать: «Спасибо. Буду стараться. Жди».

Решила, что раз у нас в перспективе вторая встреча, не мешало бы познакомиться, и вместо смайлика добавила «Лера».

«Тогда до встречи, Валерия», – очередной моментальный ответ, и так же, как у меня, без смайлика.

То есть, все на полном серьезе?

Выдохнув, обвела взглядом снова пустой коридор бизнес-центра, выждала пару минут, чтобы с лица пропали блаженное выражение и улыбка, и вернулась к сотрудникам.

– Мы оставили тебе два, – жуя заварное пирожное и восседая в моем кресле, отчиталась Марина.

– Делите между собой, – отмахнулась я от щедрого предложения и, вскрыв один из судков, врученных мамой, принялась за отварную цветную капусту.

Вкусно. И сытно. Вот только запах у капусты очень коварный, но ладно, потом проветрим. К тому же девчонки так радовались пирожным, что простили мне мелкие неприятности.

– Добрый день, – в офис вошел Степан Леонидович, обвел нашу жующую компанию взглядом и скривился. – А чем это у нас так воняет...

Увидел в судочке мою капусту, подмигнул и прошел к себе в кабинет, пожелав приятного аппетита.

– Чего он в такую рань? – возмутилась Светлана, заметив, что на часах только полдень. – Я чуть не подавилась от неожиданности! А для меня сейчас очень вредно пугаться. Мне противопоказаны стрессы! Марина! Почему шеф так рано?

– Можно подумать, он мне отчитывается, – огрызнулась девушка и, бросив в коробку надкусанное пирожное, поспешила в соседний кабинет.

– Обиделась, – проследив за ней взглядом, заметила Светлана.

– Разве ты не этого добивалась?

Я выбросила коробку в урну под столом и заняла свое место, раздумывая над тем, что почитать в интернете. Отчетный период еще далеко, кадрами я занималась с утра, фильмы при шефе я не смотрела – еще не дошла до этой стадии безразличия, новости надоели. Тоска – тоской, а день в самом разгаре...

Но тут меня посетила идея, и я зарылась в статьи на тему, что сделать, чтобы быстрее прошла ломота после спортивных занятий. Хм, актуально. Как заставить себя полюбить спорт? Это необходимо. И как вытерпеть тренера? А это первоочередная задача.

– Да... – послышался голос Светланы, и я недоуменно взглянула на нее.

– Что «да»?

– Да, я именно этого и добивалась, – сказала она и взглянула на закрытую дверь шефа, потом перевела взгляд на меня. – Пойдем, попьем кофе на первом этаже.

– А здесь никак? – кивнула на чайник и кулер, а также на разносорт кофе и чая, словом, все к нашим услугам.

– А здесь надо или делать погромче музыку, или присоединиться к вакханалии в директорском кабинете! – с какой-то непонятной злобинкой сказала она, включая тихо музыку на компьютере. Взглянула на меня и с еще более непонятным вызовом заявила: – Лично я выбираю кофе!

Статьи были довольно короткими, и я успела их просмотреть. Также успела выяснить, что лучшее средство снять боль после тренировки – это новая тренировка. И что любовь к спорту обещает нагряться неожиданно и без предупреждения: для этого надо в него втянуться и найти именно свой вид тренировки и своего тренера. А лучший тренер тот, кто знает свое дело, тебя понимает, но не жалеет. В общем, скорее всего, своего тренера я уже нашла и на вечернюю тренировку настроилась. Работы особо не было, так что я встала следом за Светланой, порадовав:

– Я выбираю зеленый чай.

Напряжение в ее взгляде мгновенно пропало, она поспешно вышла из офиса, а я задержалась, чтобы открыть окошко и проветрить кабинет, пока нас не будет. Шеф и Марина не скоро освободятся, а открывать окна, пока мы здесь, нежелательно: можно простыть, все же зима.

Что-то тихонько скрипнуло за спиной, но я не придавала этому значения. Обернувшись, поняла, что от ветра приоткрылась дверь в кабинет шефа, и...

Теперь звуки, что раздавались оттуда, стали слишком громкими и определенными. А мне надо проходить мимо двери...

Понадеявшись, что любовники будут слишком заняты процессом, я на цыпочках, крадучись, двинулась мимо. Услышав какой-то хрип, машинально повернула голову и... встретилась взглядом с шефом.

Он стоял, опираясь задом на свой стол, его брюки были расстегнуты. Лениво прикрыв глаза, он позволял стоящей на коленях Марине делать ему приятно и словно витал в облаках. Но заметив меня, дернул бедрами, делая резкий выпад вперед. И поспешно еще один. И, не отпуская моего взгляда, ускорил ритм и усилил движения, одновременно хватая Марину за распущенные длинные волосы.

Теперь было видно, что этот процесс ему нравился. Он завелся. Вошел в азарт. Закипел...

Еще один его хрип вывел меня из оцепенения, и я поспешила к выходу. Открыв дверь, услышала длинный стон мужчины и его слова, сказанные Марине. Но ей ли?

– Это было волшебю.

Побледнев, я вышла из офиса и прикрыла дверь.

Волшебю...

Прислонилась спиной к прохладной стене коридора, опустила голову, чтобы унять приступ дурноты.

– Лера! – почувствовала, как меня обняла Светлана, поддерживая и помогая подняться. Она заглянула в глаза и обеспокоенно затараторила: – Ты бледная. Совсем бледная. Такой даже я не бываю, когда меня по утрам тошнит. Тебе плохо, да? Плохо тебе?

– Да, – подтвердила я, делая глубокие вдохи и стараясь прийти в себя.

– Почему? – потребовала ответа Светлана, но, не дождавсь его, постановила: – Мы выпьем чай. Крепкий. Черный. И сладкий. Ты меня поняла? Но от чего тебе стало плохо?!

Позволив увести себя от офиса к обещанному чаю из автомата, я честно призналась:

– Ненавижу все, что связано с волшебством!

Глава № 7

Увиденное в кабинете шефа меня несколько подкосило, и я легко согласилась променять стояние у кофейного автомата на посиделки в кафе. Правда, когда Светлана начала уточнять, что мы будем есть, я сказала, что она может заказывать себе все что угодно, меня это даже не тронет, а сама ограничилась чаем. Без сахара, несмотря на уговоры коллеги.

– Вижу, ты всерьез за себя взялась, – принимаясь за отбивную и жареную картошечку, с уважением заметила Светлана. – Молодчинка! Очень сильный поступок!

Я промолчала, не хотелось ничего говорить, хотя считала, что это не я за себя взялась, а другие за меня. Сначала Макар, он вообще запустил этот процесс; потом рычаг управления перехватила мама; теперь вот шеф внес свою лепту, вызвав приступ тошноты и тем самым неожиданно придав ускорения.

Я в кафе. Вокруг масса соблазнов. Но аппетит у меня пропал.

Ну что за невезение?

Я не об отсутствии аппетита, а об увиденном...

Естественно, я знала, что у шефа и Марины – любовная связь. Не являясь ханжой, считаю, что все, что происходит между двумя людьми по согласию, правильно и их личное дело. Но в том-то и суть, что между двумя...

А у меня из головы не выходило, что шеф ускорился именно в тот момент, когда увидел, как я прохожу мимо!

И ему явно понравилось, что я смотрела на них...

И как мне это забыть и развидеть?!

К моему сожалению, Светлана слишком быстро расправилась со своим внеплановым обедом, и мы пошли обратно в офис.

– Надеюсь, им хватило времени, чтобы закончить? – шепнула она, когда мы подходили к кабинету.

– Даже не сомневаюсь, – невесело отозвалась я.

У меня действительно не было и тени сомнений, потому что я присутствовала при финале. Разве что они начали второй раунд...

Тьфу-тьфу...

Представила и поплохело.

– Да что такое? – ахнула Светлана, обернувшись и увидев мое лицо. Тут же оказалась рядом, смело подставляя хрупкое плечо в новой ажурной кофточке для поддержки. – Обопришь. Ну? Чего медлим? Ждешь, когда упадешь?

– Со мной все нормально, – отмахнулась я от чрезмерной опеки.

– Ты бледная! – обвинительным тоном заявила она.

– Это наследственное.

– И ложь на пустом месте тоже?

Внимательно посмотрев на непривычно строгую Светлану, задумалась и почувствовала, что улыбаюсь.

– Что? – потребовала она ответа.

И я ответила. Вовсе не то, что она ожидала, и удивив при этом даже себя. Три года совместной работы, один кабинет, столы стоят очень близко, и вдруг...

– Свет... – с заминкой сказала я. – Как ты смотришь на то, чтобы мы подружились?

– Надумала... Я тут рожать скоро собираюсь, а ты... – со стороны коллеги последовала чуть большая пауза, чем моя, а потом она улыбнулась и с укоризной спросила: – Чего ждала, спрашивается?

– Резонный вопрос, – согласилась я и попыталась ее обойти.

– Детский сад, – худенькая Светлана снова встала у меня на пути и, как в детском саду мирятся детки, показала согнутый мизинчик. – Ладно, давай, буду с тобой дружить!

Я со всей серьезностью подергала своим мизинчиком за ее, и мы, не выдержав, расхохотались.

– Ну что, подруга, – сказала Светлана, открывая дверь и пропуская меня вперед, – поели, посмеялись, можно и поработать?

– Можно, – переступив порог офиса, я бросила взгляд на дверь шефа и выдохнула, заметив, что та плотно закрыта. Как и окно, которое я оставляла для проветривания. И то, и то – хорошо!

– Похоже, мы здесь одни, – усаживаясь за стол, сказала Светлана.

На мой вопросительный взгляд кивнула на вешалку. Да, ни одежды шефа, ни одежды Марины там не было. Значит, все-таки второй раунд?

Господи, спасибо! Большое спасибо, что они перенесли его на другую территорию! И хоть бы до конца дня не вернулись – градус неловкости спадет, а за ночь я точно забуду все, что нечаянно увидела!

Видимо, моя молитва была услышана, потому что ни Марина, ни шеф в этот день больше не объявились, а на следующее утро наша секретарь прислала сообщение, что улетает дней на семь за границу, в отпуск. Шеф не написал ничего. С чего бы ему отчитываться перед отделом кадров? Но логично было предположить, что у него тоже образовался недельный отпуск.

И пусть это покажется невероятным, но я подумала, что неслучайно все это. Конечно, шеф никогда и никого не ставил в известность о своих планах и был вольным как ветер. Вполне возможно, что именно сейчас ему – раз! – и захотелось уехать на моря вместе с любовницей. Но что-то мне подсказывало, что внезапный отъезд был устроен и для меня. Чтобы я быстрее и легче забыла то, что увидела.

Конечно, иногда я задавалась вопросом: с чего вдруг такая забота об одном из сотрудников? Но списала все на то, что шеф тоже живой человек и ему тоже могло быть неловко. И перестала терзаться впустую: что есть – то и есть. К тому же у меня не было ни времени, ни настроения для ненужной рефлексии.

Днем, после ритуала с обзвоном водителей и быстрой расправой над текущими делами, я ныряла в просторы интернета и запойно читала все, что могла найти по правильному питанию, быстрому похудению и фитнесу. Информация часто дублировалась с одного сайта на другой, также часто встречались разного рода противоречия, но большинство статей единодушно заявляли: диета и правильное питание – вещи несовместимые!

Я нашла несколько форумов для похудения и с грустью смотрела на фотографии девочек, почитывая их отзывы об успехах. Кто-то уже избавился от десяти килограмм, кто-то приближался к заветной цифре пятнадцать, воспользовавшись той или иной диетой, а я...

А я вскрывала очередной судок, врученный утром мамой, ела непривычную, но вполне съедобную пищу, по вечерам, преодолевая мышечную боль, лень и желание съесть что-нибудь сладенькое под чашечку чая, плелась в спортзал, позволяла тренеру себя мучить, и...

И за пять дней этих пыток никаких результатов!

Никаких, если не считать скачки в настроении, намечающуюся привычку заглушать чувство голода полезным кефиром и все намеки на возможную депрессию.

И наверное, я бы все же окунулась в это непривычное для себя состояние, но здесь очень кстати наступили выходные, и мама напомнила, что некогда предаваться унынию: у нас в планах шопинг!

– А я и забыла, что хотела изменить куртке с чем-то более теплым и стильным! – откинув плохое настроение, я поднялась с кровати, в которой планировала лежать как минимум до полудня, съела творог с ложкой меда, оставленный мамой, и поспешила в комнату.

Пересчитала деньги, которые у меня были отложены и приуныла. Н-да, на что-то стильное точно не хватит, а кафтан у меня уже как бы есть. И на что я так серьезно растратилась в прошлом месяце? Живу на всем готовом, а запасов практически нет. Нет, ну странно. Действительно, странно – на что ушли деньги? Посидела, подумала...

А когда вспомнила и поняла, приуныла еще серьезней. На еду все потратила. На что же еще? Съела я их!

– Лера? – в комнату заглянула мама, в момент оценила мое состояние и села рядом на кровать. – Ты думаешь собираться?

– Уже не знаю, – честно призналась я.

Она улыбнулась, заметив закрытую шкатулку в моих руках, взяла ее, посмотрела на скромную сумму.

– Оставь это на весенний сезон, – вернула шкатулку обратно, – тебе понадобится много обновок, и впереди почти три месяца, чтобы поднакопить денег. А зимнюю одежду тебе куплю я. Договорились?

– Нет.

– Лера, – мама погладила меня по спине, – наказывать себя будешь в спортзале, когда это уместно и где я не вижу твоих страданий. А я хочу купить своей дочери теплую одежду, и я это сделаю.

Я упрямо взглянула на маму, но она выдержала мой взгляд. И более того, нашла вариант, чтобы я не смогла отказаться.

– Я могу нечаянно купить без тебя то, что окажется тебе не по вкусу, но ты будешь это носить, чтобы меня не расстраивать. Грустно, и вполне вероятно, что так и будет. Но ты можешь не допустить этой ситуации и не расстраивать меня прямо сейчас. В этом случае мы сегодня купим тебе то, что тебе понравится, и приурочим это... пусть будет к Новому году.

– До него еще две недели, – вздохнула я.

– Тогда и отметим, – постановила мама. – А подарок будет сегодня. Какая принципиальная разница?

– Никакой, – рассмеялась я, обнимая ее. – Зима – и зима!

В приподнятом настроении я принялась переодеваться из домашнего в уличное, а мама удалилась в свою комнату. У меня и раньше сборы занимали немного времени, а сейчас и подавно: любые джинсы, любой свитер, любой блеск для губ – и все, я готова. Шкаф ломился от одежды, которую я по-прежнему любила, но носить не могла, а в том, что носила, я была очень неприхотлива.

Так что в прихожую я вышла первой и, зная, что мама к своему внешнему виду относится серьезней, чем я, обулась и обосновалась на пуфике. Честно говоря, успела немного упреть до ее появления, но не могла не признать, что ожидание того стоило. Моя мама, и без того симпатичная и все еще молодая женщина, благодаря легкому, но профессиональному макияжу, выглядела еще красивей. Естественно, я не объективна, но, подозреваю, что любой мужчина, увидев ее вот такую, в голубом платье, воздушную и без напускной строгости, к которой она привыкла, а с лукавой улыбкой, как сейчас, – со мной бы согласился.

– Красивая ты у меня! – восхитилась я.

– Ты у меня тоже, – ответила мама, а заметив, что я нахмурилась, возмутилась. – Лера, я никогда тебе не лгала. Да, ты себя запустила, но я мама. И я вижу то, что сейчас не видят другие.

– И что же это, к примеру?

– Например, твою душу.

– Ладно-ладно, сделаю вид, что поверила, – я смущенно улыбнулась и открыла дверь, пока мама обувала сапожки. – Мам?

Она подняла голову, взглянула на меня. Застегнув молнию на сапогах, выровнялась, накинула на плечи модное пальто.

– Что, Лер? – мягко улыбнулась.

– Мам, а давай мы поедем в обычный магазин?

– Обычный? – удивилась она. – За продуктами? Я и так собиралась – заедем на обратном пути.

– Нет, мам, – я качнула головой. – Давай поедем за зимней одеждой в обычный магазин? Через три улицы от нас есть огромный мегамаркет – там продается все что угодно. Наверняка и выбор большой. А мне, сама понимаешь, нужен широкий ассортимент, и...

– Лера?

Я помолчала, обреченно выдохнула и призналась:

– Не хочу, чтобы мы делали покупки там, где обычно, мам. Эти их бутики... Не хочу, чтобы нам делали большие скидки с кислыми лицами. Эта одежда за границей стоит намного дешевле, чем они выставляют здесь, а они... – Я взглянула маме в глаза и назвала основную причину: – Не хочу сейчас видеть папиных родственниц! Просто не могу. У меня и так всю неделю стресс, и если я их увижу, любую из них, – сорвусь.

Глава № 8

– Так-так-так... – мама небрежно накинула голубой платок поверх черного пальто и с усмешкой спросила: – Это что же, кто-то намекает, что уже готов сдать?

– Этот кто-то, откровенно говоря, каждый день готовится сдать, – вздохнула я, – но ты так стараешься с этими обедами, что стыдно тебя подводить.

– Стараюсь, – кивнула мама. – И буду стараться дальше.

– Потому что мой вес – и твое упущение тоже? – затаила дыхание.

– Нет, – родные глаза взглянули с любовью. – Потому, что твое счастье – и мое тоже.

И вот знаю же, что она меня любит, и сама люблю ее больше всех, а все равно глаза предательски повлажнели, а на душе стало тепло-тепло и уютно.

– Все, идем, – усиленно заморгав ресницами, мама первой вышла из квартиры.

– В мегамаркет? – закрывая за нами дверь, уточнила я.

– Естественно, – немного удивленно поддакнула она. – Ты же не думала, что я подарю тебе шанс сорваться?

– Дождешься от тебя... – буркнула я и со вздохом добавила: – Разве что новый абонемент.

– Кстати... – вызвав лифт и ожидая меня, мама обернулась.

– Продлевать еще рано! – поспешно воскликнула я.

– Я не об этом, – она весело рассмеялась. – Продлим карточку через полгода. Просто думаю: может, к тренировкам добавить массажи? Знаю, ты их не очень любишь...

– Вообще не люблю.

– Но они могут помочь.

– Мам, – попросила ее, – давай не все попытки сразу?

Мама тут же оставила эту тему, за что ей моя благодарность. Знаю, что многие обожают массаж, но у меня чужие прикосновения вызывают одно раздражение. Несколько раз попробовала, и решила не мучить ни себя, ни массажистов.

Выйдя из подъезда, мы подошли к нашей маленькой Nissan Micra белого цвета, мама покрутила на пальце связку ключей, предлагая занять место водителя, но я, к ее радости, отказалась.

– Спасибо, – улыбнулась она.

– И тебе, – ответила ей улыбкой.

Мама любила водить. А я просто умела. Так что при этом раскладе мы обе были счастливы и довольны.

Поездка заняла всего десять минут, у входа в мегамаркет мы обзавелись картой зала и уверенно двинулись в сторону отдела зимней верхней одежды. Ассортимент был довольно широким, но стоило мне обратить на что-то внимание, как оно тут же оказывалось как минимум на пару размеров меньше.

– И это ты называешь хорошим выбором? – через час пустого хождения удивленно спросила мама.

Я молча сопела рядышком и упрямо шла дальше, надеясь, что моя идеальная вещь меня где-то там дожидается.

Но прошел еще час, а результатом долгой прогулки стали только гудящие ноги.

Я уже настолько отчаялась, что у меня мелькали мысли или перенести покупку зимней одежды на следующий год, когда я уменьшусь в объемах, или заткнуть свой характер и заехать в один из магазинов родни. Правда, они мечтали там меня видеть так же отчаянно, как я их, но если выбора нет...

Совсем нет...

Ну хоть что-нибудь более-менее бы попало, и...

– Мам... – обернулась, чтобы сказать, что готова идти на выход, и случайно заметила в одном из рядов дубленку.

Короткую. Черную. С бело-серым воротником. И, кажется, моего размера.

Не веря своей удаче, тут же подошла к продавщице. А она тоже не сразу поверила, что ей так повезло – цена большая, дубленка большая, клиент с дубленкой размерами совпадает, да к тому же не просто померить зашел, а явно купить!

– Прямо на вас пошили! – продавщица услужливо помогла мне избавиться от курточки и облачиться в обновку. Все на мне застегнула, поправила воротник, комментируя: – Смотрите: и стоит воротник, и лежит, а молния как ходит легко!

В ее голосе звучал неприкрытый восторг, словно только эта дубленка была с рабочей молнией и только мой воротник мог проделывать такие чудеса как стоять и лежать.

– Дубленка очень удобная! – увещевала продавщица, подводя меня к зеркалу и восхищенно рассматривая вместе со мной помоднеее отражение. – Представьте, как вы едете в ней машине! И вам ничего не мешает! Ни длина дубленки, ни длина рукавов, ни навязчивый капюшон.

– Капюшон бы не помешал... – заметила я, чем привела продавщицу в негодование.

– Да вы что? – почти закричала она. – Такие глаза, как у вас, прятать нельзя!

И я опять посмотрела в зеркало, покрутилась, размышляя, брать эту или найти в себе силы идти мимо и дальше?

– А еще, – обратив внимание на мою заминку, добавила продавщица, – в ней точно не будет жарко!

– Н-да... – усмехнулась я, вспоминая старенький анекдот, – с таким настроением слона не продашь...

– Лера, – мама остановилась у меня за спиной, посмотрела на дубленку, на отражение в зеркале и мне в глаза. Прочитала в них ответ, но позволила себе усомниться. – Ты уверена?

– Ну... она неплохо сидит...

– Она сидит на вас идеально! – вступилась за вещь продавщица.

– Лера, здесь на тебя ничего нет, но мы можем захватить... – начала мама, и я поняла, что все, сомнения прочь, дубленка моя!

– Давай купим эту?

– Лера...

– Ну, мам...

– Я сделаю хорошую скидку! – продавщица попыталась воспользоваться моментом.

– Естественно, цена на эту куртку безбожно завышена, – слова мамы ввели женщину в странное состояние: она хватала ртом воздух и сопела, как обиженный ежик, которого уличили в том, что у него колючие иголки. – Но проблема не в цене.

– То есть, скидка вам не нужна? – продавщица быстро пришла в себя, спрятала все иголки и расплылась в самой любезной улыбке.

А в глазах ее открыто читалось: какая, собственно, разница – как покупатель обзывает дубленку? Пусть даже шапкой, если ему так удобней. Кто платит – тому прощается мелкая блажь. Зато потом будет о чем посудачить с подружками...

– Лера? – снова мамин вопрос, в котором звучал намек, что лучше одуматься.

Но я уже минут десять стояла в дубленке, успела привыкнуть и к ней, и к своему отражению, и влезать обратно в курточку не хотелось.

– Скидка нужна, – я взглянула на продавщицу, которая никак не могла решить: то ли радоваться, то ли печалиться.

– Но мы покупаем то, что вы вряд ли бы впихнули другим, так что не расстраивайтесь так уж старательно, – обратилась к ней мама.

Продавщица вздохнула, потом махнула рукой и привычно растянула губы в дежурной улыбке.

Конечно, надо было сначала узнать о размере скидки, а потом уже говорить, что берем. И, конечно, продавщица нас обвела вокруг пальца – здесь даже не надо гадать. Но я была так рада покупке, что закрыла на это глаза. А мама радовалась, что мы, наконец, уходим из мегамаркета, и тоже не стала расстраиваться.

В хорошем настроении по случаю удачной обновки я пребывала целых полтора дня – субботу и воскресенье. А в понедельник надела дубленку, и...

На улице резко похолодало, но первые несколько минут меня это не волновало. Еще бы! Я ведь уже не в зимней куртке – в дубленке! Но потом я не просто поняла, а прочувствовала все недостатки, на которые намекала мама: и что дубленка короткая, и что нет капюшона, а только пушной воротник и такие же пушки на манжетах, и что не очень удачный пошив...

Дабы не замерзнуть от холодного ветра, который не замечала в куртке, к автобусной остановке я практически побежала. Плюс в том, что во время пробежки согрелась, а минус, что из правого рукава дубленки вылез рукав свитера, и как я ни старалась впихнуть его обратно, он наотрез отказывался прятаться. Торчал, всем демонстрируя, что я поклонник черного цвета.

Ладно... Подумала, что исправлю это недоразумение в офисе, но... Недоразумение усугубилось.

Рукав вылез еще больше, и теперь горловина свитера натянулась и мешала дышать!

Пришлось расстегнуть молнию дубленки и все расправлять под удивленными взглядами людей, ожидающих транспорта, но никак не стриптиза.

Ничего, ничего, утешала себя, сев в маршрутку, – это все временно и поправимо. Ведь поправила же.

Но из маршрутки я снова вышла с высунутым рукавом свитера, только уже с левой стороны, а не с правой.

И с чего бы такое разнообразие?

Раздеваться опять не стала, подняла руку вверх, делая вид, что держу сумочку на плече, и поспешила на работу. Влетела в офис, на ходу расстегивая дубленку и разоблачаясь и...

Нервно дернулась, когда увидела, что дверь в кабинет шефа приоткрывается, приоткрывается, и оттуда появляется, появляется...

– Доброе утро, Лера, – шеф оценил мой взъерошенный вид, по его губам скользнула улыбка, но он сдержался. – Зайди потом ко мне в кабинет, пожалуйста.

– Зачем? – опешила я и, покрутив ключ от офиса на пальце, покосилась на дверь.

Конечно, если бы я сразу заметила, что она открыта, ничего бы не изменилось. Я бы все равно вошла. Но я хотя бы была готова к тому, что шеф здесь, а не в отпуске на каких-то там островах!

– Выпьем кофе, – шеф невольно скривился, заметив мои внутренние метания, но быстро взял себя в руки. – Заодно и поговорим.

Он вернулся в свой кабинет, а я сняла дубленку, повесила ее на вешалку и растерянно взглянула на кулер.

Потом одернула себя: так, все! Все, хватит! Это даже хорошо, что он решил поговорить – все время отмалчиваться все равно бы не вышло. Я бы накрутила себя и, скорее всего, уволилась. Потому что за неделю ничего бы не изменилось. Да, воспоминания бы померкли, но остались, просто к ним бы добавились мои личные размышления, причем не самые приятные.

Лучше все узнать напрямую и сразу. Шеф прав.

Я приготовила два кофе и вошла к нему в кабинет.

– Кофе? – он сделал вдох и удивленно взглянул на пластиковый стаканчик, который я поставила на стол перед ним.

– Я знаю, что вы обычно пьете только из своей чашки, – сделав глоток из стаканчика, призналась я. – Но я понятия не имею, где ее прячет Марина.

Сказала это и поняла, что сказала. Ужасно покраснела, но выдержала взгляд шефа. А он, продолжая смотреть на меня, приглашающе махнул рукой на стул напротив и, взяв стаканчик, сделал первый глоток. Потом еще один. Подумав, сделал и третий.

– Надо же, – хмыкнул мужчина, – совсем отвык от вкуса растворимого. Все только натуральное, лучшее... Надоело, устал...

Взгляд шефа от стаканчика вернулся ко мне, и я невольно поежилась, потому что прочла между строк.

Он говорил сейчас не о кофе. Точнее, не только о нем. Его слова – о способе жизни в целом. И да, он говорил о Марине тоже.

Надоело...

Устал...

Это было откровенно. И странно. И непонятно: зачем это говорилось мне?

Тикали часы на стене. Слышался звонок чьего-то мобильного – кажется, моего, оставленного в сумочке, в другом кабинете. А мы сидели напротив друг друга. Пили вполне сносный кофе. И молчали.

Когда ожил телефон шефа, он тоже проигнорировал звонок, и терпеливо ждал, когда кто-то навязчивый смирится и оставит его в покое. Судя по мелодии на тему любви, звонила Марина.

Трижды телефон пытался пропеть мужчине о чувствах влюбленной женщины, но тот не дрогнул. И даже облегченно выдохнул, когда в кабинет вернулась тишина с отчетливым тиканьем часов.

– Извини, – допив кофе и сжав с силой стаканчик, сказал мне шеф.

Первый раз я слышала, чтобы он извинялся, и, несмотря на необходимость этих слов, стало как-то неловко. Эти слова не шли ему. Гордый, уверенный в себе, сильный мужчина...

Впрочем, наверное, именно такие мужчины достаточно смелы, чтобы признать ошибку и попросить прощения.

Уйти и промолчать куда проще.

– Это была спонтанная, глупая и неудачная попытка как-то оживить наши... – шеф неопределенно махнул в воздухе рукой, – отношения.

Я поняла причину его запинки, он пытался найти синоним такому неподходящему слову, как «чувства».

– Ты хороший работник, Лера, я не хочу, чтобы ты уходила из-за того, что видела. Скажу, что это больше не повторится. Никогда.

– Поэтому Марина в отпуске? – сопоставила я.

– Да, – подтвердил мужчина. – Моя попытка загладить вину за внезапное расставание.

Видимо, что-то отразилось на моем лице, потому что шеф с усмешкой поинтересовался:

– И о чем же ты думаешь?

За плечами у нас с шефом четыре года совместной работы, за все это время я ни разу ему не лгала, и сейчас не сильно хотелось, но на всякий случай, щадя его самолюбие, уточнила:

– Вам честно сказать?

– Хотелось бы – да.

– Я думаю, Степан Леонидович, что затея с отпуском Марины – это ваша еще одна спонтанная, немного... глупая и не очень удачная попытка.

Какое-то время мужчина несколько обескуражено смотрел на меня, а потом рассмеялся.

И это он зря. Я ему не сказала об этом, хватит с шефа пока откровенности, но это он зря.

Потому что если красивой женщине от мужчины не нужны ни подарки, ни деньги, она так просто не сдастся. И по боку ей, что кому-то там надоело и он устал.

Вот отдохнет она на курорте, все обдумает, и...
На месте шефа я бы готовилась к жесткой осаде.

Глава № 9

Из кабинета начальника я вышла в слегка пришибленном состоянии. Вот вроде бы и обсудили то, что тогда случилось, и заверения я получила, что это, мол, ошибка и больше не повторится, и похвалили и меня, и кофе, а потом мы еще минут пятнадцать поговорили на пустые темы вроде холодной погоды зимой – тоже мне странность...

И надо бы забыть, переключиться на что-то другое – так проще, лучше и так удобней. Но мозг настойчиво пытался докопаться до какой-то мелочи, которую я упустила.

Голова слегка разболелась, и я полезла в сумочку за таблеткой. Достала и таблетку, и телефон, и пока запивала лекарство, просмотрела, чьи были вызовы. Светлана, хм... Это было в десять, а сейчас уже половина одиннадцатого. Перезвонить или выждать, когда придет? Новый входящий звонок выбора не оставил.

– Ну, здравствуй, – сказала Светлана немного удивленно, когда я ответила. – Вот только не говори, что ты так усердно работала, что не могла выделить из своего плотного графика на меня две минуты.

– Хорошо, не буду, – усмехнулась я.

Светлана выдержала паузу, но когда поняла, что я не стану ничего объяснять, ограничила возмущение тяжелым вздохом. Но перестаралась, и возникало ощущение, что в трубку дует северный ветер, а между тем рядом с ней отчетливо были слышны разговоры о еде: кто-то заказывал салатик и картошку, а кто-то собирался начать день с котлеты.

– И чего ты молчишь? – поинтересовалась Светлана.

– Слушаю, о чем говорят возле тебя, и старательно борюсь с чувством голода, – призналась я.

– Вот потому я тебе и звонила! – обрадовалась Светлана. – Давай, спускайся в кафе, я уже заняла нам столик. Все равно мой рабочий день еще не начался, а шефа нет.

– Зато мой рабочий день начался полтора часа назад, – вздохнула я. – И начальство на месте. Но я все равно сейчас спущусь.

– Как на месте?! – возмутилась Светлана.

– Собственной персоной.

Я нажала на сброс, подхватила сумочку и, подумав, заглянула к шефу. Он просматривал какие-то документы, но отвлекся на вторжение.

– Степан Леонидович, если вы не против, я отлучусь минут на пятнадцать?

– Хорошо, – разрешил он и снова вернулся к бумагам.

Только облегченно выдохнув, я поняла, что затаила дыхание, когда спрашивала. С чего бы?

Но мысли текли как-то вяло и все больше на тему: «поесть бы», так что я поспешила в кафе.

Светлана сидела за большим столиком, окруженная разнообразием заказов. Увидев меня, кивнула и, расправляясь с отбивной и одним из салатов, пожаловалась:

– Никак не могла определиться, чего хочу. Давай, помогай теперь.

– Не могу, прости.

Я достала два судочка из сумочки, вскрыла их, проигнорировав изумленные взгляды других жующих и официантов кафе, и с энтузиазмом принялась за отварную рыбку и морскую капусту.

– Вкусно пахнет, – с легкой завистью протянула Светлана, и я поделилась своим обедом.

Я была более голодна, чем она, а потому расправилась с едой первой и заказала зеленый чай. Да, я знаю, что жидкость желательно пить как минимум через сорок минут после каждого

приема пищи, а после основного приема – как сейчас – вообще лучше не пить полтора часа, но...

Но я все еще позволяла себе поблажки. Мелкие. Незначительные. Чтобы не сорваться.

– Что-то ты задумчивая, – рассматривая меня, с подозрением протянула Светлана. – Шеф напряг?

– Да нет, – отмахнулась я.

– Странно, что он не в отпуске... Может, и Марина еще сегодня появится?

– Марина в отъезде.

– Откуда такая уверенность?

– Шеф сказал, – заметив странный взгляд коллеги, напомнила маленький факт. – Я все-таки еще занимаюсь кадрами.

– Ну да, ну да, – вяло согласилась она. – Ты присматриваешь за кадрами, я – за базой клиентов... Ладно, тоска все это. Расскажи что-нибудь хорошее: например, как прошли выходные?

– Спокойно.

– Ничего нового?!

– Купила дубленку.

– Ну вот!

– Ну да... – я взгрустнула.

– Так, – Светлана тут же заметила мою реакцию. – Расскажи мне о ней. Она длинная?

– Нет.

– Капюшон удобный?

– Без капюшона.

– Ну... – Светлана так удивилась, что отвлеклась от еды. – Она хотя бы теплая?

– Нет, – выдала признание, но, заметив растерянный взгляд подружки, поспешно оправдала свою обновку: – Зато она очень удобная!

– Ой, видя твою реакцию, что-то я сомневаюсь... Ты в ней сегодня?

– Да.

– Обязательно посмотрю.

Тема неудачной покупки была благодатной для размышлений, но я быстро смирилась с тем, что последует критика и отбросила эти мысли. Ничего уже не изменить, деньги уплачены, больше разорять маму я себе не позволю... Заработаю, буду откладывать, и...

– Свет... – у меня даже в горле пересохло, когда я поняла, что именно не давало покоя после беседы с шефом.

Допила чай, решительно поставила чашку на столик.

– Ну? – перестав терзать отбивную, поторопила с вопросом colega.

– Свет, а как ты думаешь, только честно, я не обижусь...

– Ой, давай без прелюдий, – взмолилась она, посматривая на остывающую отбивную.

– Ладно, – согласилась я, и спросила: – Свет, как думаешь, я хороший работник?

Девушка, решив в этот момент сделать глоток водички, подавилась, закашлялась и уставилась на меня расширившимися глазами.

– Ты что, прикалываешься? – откашлявшись, прохрипела она.

– Нет, я серьезно.

– А если тебя серьезно потянуло на мазохизм... – Светлана отодвинула от себя тарелки с едой, взглянула на часы, стрелки которых перебежали за двенадцать дня и с довольной улыбкой сообщила. – Я думаю, что ты просто можешь работать. Можешь, понимаешь? Не любишь то, чем занимаешься, поэтому сильно не пытаешься вникнуть в нюансы. Но знаешь то, что тебе надо знать на твоём участке работы. И так все мы. Поэтому я совершенно серьезно считаю, что работники мы плохие, и всех нас, возможно, за исключением самого шефа, надо безжалостно гнать из компании. А ты как считаешь?

– Так же, – призналась я.

И вот в этом-то и проблема.

Я искренне полагала, что компании без меня, Светланы и даже Марины будет намного лучше. Вместо нас придут другие работники, которые будут стараться – на первых порах, пока их энтузиазм так же, как наш, не погрязнет в пучине обыденности. Вообще на наши места я бы взяла студентов – приходиться рано не надо, и они были бы рады такой подработке, а мы...

А мы – балласт.

Это честно и откровенно.

И шеф, как умный человек с деловой хваткой, сумевший не только начать, но и продвинуть небольшую компанию на уже занятом рынке, не мог этого не понимать.

Тогда зачем он нас держит?

И зачем солгал, сказав, что я хороший работник?

А ведь это была ложь, явная и откровенная ложь...

– Так, я наелась, – поднимаясь, сообщила Светлана.

– Напекаешь, что пора начать твой рабочий день и возобновить мой? – вставая следом, спросила я.

– Неохота, но давай хотя бы попробуем.

Попробовали. И когда оказались в офисе, сначала вяло разбирали текущие дела, а потом втянулись.

Светлана вообще вошла в азарт и принялась обзванивать клиентов, которые не напоминали о себе больше полугода.

– Да как вы работали все это время без наших канцтоваров? – то и дело слышались ее изумленные восклицания. – Да... да... Конечно, вам надо поговорить с шефом... Разумеется, я понимаю, у меня тоже есть шеф... И когда будете с ним говорить, упомяните, пожалуйста, что сейчас у нас хорошие скидки!.. Как в честь чего? А Новый год на носу – разве не повод? ... Нет, давайте я сама вам перезвоню... Договорились, завтра, да...

И только после того, как она оставила телефон в покое и откинулась на спинку кресла, задумчиво рассматривая двери офиса, явно фантазируя об обеде, я поинтересовалась:

– И на какие позиции у нас скидки?

– Какие скидки, Лер? – удивилась Светлана. – Ты видела, почему доллар? Все растет в цене, даже семечки на базаре, а тут канцтовары!

– Сочиняла на ходу?

– Ну, надо же было как-то оживить наши продажи, – ничуть не смутившись, коллега пожалала плечами, привлекая внимание к очередной ажурной кофточке. – К тому же, эти клиенты так долго у нас ничего не брали, что цены уже не помнят.

– Это может легко отследить бухгалтерия, – я махнула рукой на монитор, где в одной из программ хранилась вся информация.

– Может, – согласилась Светлана. – А, может, и нет. Знаешь, я работала в шести компаниях, и ты первый бухгалтер, который не рычит на всех, кто к нему подходит и не делает вид, что безумно занят.

– Бедные бухгалтера, но их можно понять: притворяться так тяжело, – я вздохнула, сочувствуя незнакомым коллегам.

– Вот уж нет, – рассмеялась Светлана, – никакие они не бедные. Их ухищрения, чтобы ты знала, оплачивались раза в три – четыре приличней, чем твоя правда.

– И чем твои редкие вспышки энтузиазма?

– Верно, – улыбнулась девушка и решила: – Все, хватит. Свою зарплату на сегодня я отработала.

Она вышла в инет, заказала какие-то колбаски в лаваше с доставкой офис и принялась читать в сети новый выпуск журнала о моде и светской жизни. И так как со своими делами я

тоже успела расправиться, последовала ее примеру. Только меня увлекли сайты, где расписывалось, сколько калорий сжигается за время одной тренировки.

Когда Светлане доставили заказ, и офис заполнился запахом специй и колбасы, я сделала себе чай, достала курагу и, жуя и не отвлекаясь от экрана, перешла на другой сайт, где расписывалось, сколько можно съесть, чтобы не достигнуть таких габаритов, как у меня. Рецептов, как ни странно, оказалось целое множество, но больше всего меня привлекали картинки. Они были красочными и казались невероятно вкусными, даже картинка с отварной морковью, которую я терпеть не могу.

За чаепитием и чтением незаметно подкрался конец рабочего дня. Обычно меня это радовало, а сейчас...

Подхватила пакет с формой и кроссовками, выключила компьютер и, преодолевая лень, остаток легкой боли в мышцах и земное притяжение, поднялась.

– Не уходи без меня! – Светлана покосилась на дверь шефа, который был в кабинете, но ни разу не выходил, быстро выключила свой комп и поспешила к вешалке, где встретилась с моей дубленкой. – Ах, вот у нас что...

– Что? – морально подготовившись к возможной критике, я начала спокойно одеваться.

– А что, вполне, – пощупав, потрогав и разве что не куснув, выдала вердикт коллега. – Немного не по сезону вещица, скорее в ней можно пробегать осень, но... дубленка натуральная. Сразу видно, что дорогая. Вполне, Лер, вполне, так что не делай такое лицо...

Погладив ладонью дубленку, которая теперь и мне стала казаться вполне ничего себе, я призналась:

– Такое лицо у меня совсем по другому поводу.

– Какому же? Вечер – не повод для грусти! Наоборот: рабочий день позади, впереди только самое приятное!

– Это у тебя впереди муж, дом, ужин, который он приготовил и, скорее всего, самое приятное. А у меня впереди силовая тренировка.

– Ты сильная, ты все сможешь! – одеваясь, Светлана одновременно пыталась меня утешить. – К тому же, эти муки всего на час.

– Угу, – поддакнула я и, капризная, перечислила: – Двадцать минут чтобы дойти до зала, десять минут, чтобы переодеться, потом десять минут, чтобы одеться обратно и еще двадцать минут прогулки до остановки. Как итог – ко времени моего прихода домой будет уже практически ночь. И так три раза в неделю.

– Ты сильная, ты все сможешь! – не придумав ничего нового и более вдохновляющего, повторила Светлана, поглаживая любовно мою дубленку.

Жаль, что коллега как минимум на восемь размеров меньше меня – я бы с удовольствием продала ей свою покупку, причем с существенной скидкой. Но придется носить самой, будем считать, что это еще одно испытание для толстых.

– Ладно, идем, – я приоткрыла дверь офиса, – ты меня почти убедила, я, можно подумать, тебе почти поверила, так что готова отправиться в темноту, в ночь и в бой.

Польщенная Светлана подхватила свою сумочку и выскользнула за дверь, ожидая меня. Я обернулась, не зная, говорить ли шефу, что мы ушли, или это лишнее. И так понятно: время истекло, да и увидит, что нас нет, когда выйдет из своего заточения. Но тут заметила, что шеф стоит в дверях кабинета и смотрит на меня.

– Степан Леонидович, мы уходим, – радуясь, что так удачно совпало, отчиталась я.

– Хорошо, – он перевел взгляд на пакет, снова взглянул на меня и сказал: – Лера, узнай в этом клубе... Ты же туда собираешься?

Я озадаченно кивнула. Нет, понятно, что он услышал наш разговор, но непонятно, что я должна узнать. Если он надумает заниматься в этом же клубе...

– Узнай: есть ли у них утренние тренировки, – сказал шеф и вдруг добавил: – Возможно, тебе будет удобней заниматься по утрам. Если так, я разрешаю приходить на работу позже. Только скажешь мне потом, по каким дням. Хорошо?

Кивнув, я выдавила невнятное прощание, попятилась в коридор, не сводя изумленного взгляда с шефа, и прикрыла за собой дверь.

Шок. У меня был именно шок.

Но даже он не спас меня от тренировки.

Глава № 10

Приближалась к концу вторая неделя моего похудения...

Не так.

Приближалась к концу вторая неделя моего построения...

Как-то глупо звучит, но мне главное, как я буду выглядеть. К тому же, тренер, то ли догадавшись, что за моей спиной такой тыл, что отступать поздно и стыдно, то ли рассмотрев внимательно срок моего абонемента, поняла, что видеться нам предстоит часто и долго и решила поговорить. Вот как раз в ходе этого разговора и выяснилось, что я изначально неправильно подхожу к увлекательному процессу, которым сейчас занимаюсь. И что «похудение» от слова «худо», а нам такого добра не надо. У нас цель – постройнеть!

Насчет увлекательности процесса я бы, возможно, поспорила, если бы разговор этот происходил до тренировки. А так, после встречи с шестикилограммовыми бодибарами, скалкой, степом и гантелями, и все это за один час, у меня не было сил говорить. Только слушать. Вникать, запоминать и, как ни странно, впитывать вдохновение.

Тренер была совершенно точно уверена, что у меня все получится. Даже больше – она была уверена, что у нас все получится. «У нас» – именно так она и говорила. То есть, давала понять, что мы команда, мы в одной связке, и, если я поскользнусь, взбираясь на этот Олимп, тем самым подставляю ее.

Подставлять никого не хотелось, но... честно признаюсь, с каждым днем шансы, что я оступлюсь, возрастали.

Не знаю, кто писал все эти статьи в интернете, мол, со временем отвыкаешь от вкусовых привычек, зато легко приспособливаешься к полезному чувству недоедания. Такое ощущение, что их писали либо те, кто сбрасывали лишний вес довольно давно и так же давно забыли о внезапных порывах сожрать все, что не успело спрятаться в холодильнике. Либо эти статьи строчил тот, кто никогда не страдал от избытка жировой массы, но столкнулся с недостатком финансов.

На биржах копирайтинга и статей люди за символические суммы готовы написать обо всем что угодно заказчику. Так вот, или кто-то кого-то когда-то ввел в заблуждение, и эта цепочка тянется до сих пор, или я исключение. Потому что за почти две недели правильного питания и занятия спортом мой аппетит никуда не пропал! И не уменьшился. Более того, иногда он накатывал подобно снежному кому, заставляя, отключив разум, нестись в магазин, а там – к полкам с конфетами, а там...

А там меня спасало то, что я намеренно стала брать мало денег – только на дорогу, туда и обратно, и ни шага налево. А еще выручали сами производители сладостей. Постою у полок, пооблизываюсь на это разнообразие, почитаю красноречивые названия: «Буренушка», «Муму», «Умка», «Медвежонок», «Веселый Пятачок», «Вини-Пух», «Коровка», «Мишка косолапый» – и ухожу от греха подальше.

Буренушка, медвежонок... Нет уж, хватит с меня и той шкурки, в которую я уже обрядилась.

Кстати, сбросить ее я теперь пыталась в утренние часы, до работы. С одной стороны – это было удобно, а с другой оказалось сложнее, чем раньше. После вечерней тренировки я привыкла не ужинать: моя цель – не набор мышечной массы, и полтора часа после занятия лучше не есть. У меня это довольно легко получалось, так как пока доеду домой – уже поздний вечер. Я ограничивалась стаканом кефира и спокойно ложилась спать.

А теперь вечера у меня освободились, легкий ужин согласно правильному питанию и кефир не спасали, и я страдала бесцельным хождением из комнаты в кухню. Бесцельным,

потому что мама сидела в гостиной и зорко следила за моими передвижениями, делая вид, что читает.

Несмотря на то что чтение я тоже люблю, отвлекаться оно помогало мало. То ли интересные книги перевелись, то ли сказывалось обилие выбора, то ли причина все же была в еде. Вернее, в ее отсутствии в том виде, в котором я к ней привыкла. Однажды она мне даже приснилась. Такой удивительно вкусный сон – я, запертый бункер, все очень мрачно, но я не страдала, потому что в этом же бункере вместе со мной была заперта целая горка копченых колбасок и огромный бочонок пива.

Проснулась, вздохнула, встала на весы, мысленно, хотя и зная, что это не правильно и нужно настраиваться на позитив и представлять себя стройной, от души и заслужено обозвала себя пивным бочонком и спрятала весы в шкаф.

Н-да, весы проявляли удивительное равнодушие ко всем моим страданиям, и дрогнули только раз, неожиданно показав минус три килограмма.

Теперь они словно замерли. Как и я замерла в ожидании минус двух килограмм и звонка Макару.

Мне хотелось ему позвонить. Мне хотелось его увидеть. И проверить: действительно ли он настолько эффектно выглядит, как мне тогда показалось?

Вполне возможно, что я додумала его внешность, дорисовала себе. И казалось бы, если и так – какая, собственно, разница? Сложный вопрос. Да, я тоже думаю, что главное в человеке – не его внешность, а суть, но...

Возможно, дело в том... изначально все дело в том (я имею в виду согласие на это пари), что я слишком давно не была рядом с красивым мужчиной.

Отвыкла.

И вдруг встречаю Макара.

И легкая дымка ностальгии словно заставила очнуться от долгого сна и вынудила захотеть посмотреть, узнать, вспомнить, увидеть себя другой. Такой, которая была любима и хотела любить. Прежней...

Неловко признаться, но я частенько, особенно по вечерам, посматривала на телефон и подумывала о том, чтобы позвонить Макару.

Не решалась.

И потом... О чем говорить с совершенно чужим человеком? Другое дело, когда его видишь, а так...

Но чтобы его увидеть, надо было скинуть еще целых два килограмма, которые держались за меня с маниакальным упорством.

– Не нервничай, так бывает, – заметив, что я расстраиваюсь по этому поводу, сказала мама. – У тебя просто нестабильный сброс веса.

– Отлично! – ворчала я немного обиженно, но не на маму, конечно, а на себя. – Как набираться – так со стабильностью у меня все нормально, а как сбросить...

– Спуск с горы всегда тяжелей подъема, – напомнила мама.

Да, это я тоже знала. Так что терпела, пыхла и нервничала, несмотря на понимание ситуации. А потом в одно прекрасное утро поставила весы в дальний угол шкафа, прикрыла их коробками с обувью и... Удивительно, но мне сразу стало спокойней.

На работе, кстати, тоже больше не было поводов для беспокойства. Шеф вел себя, как и раньше: появлялся изредка, наскоками и ненадолго, говорил по делу, а в основном сидел у себя в кабинете. Первые дни я частенько слышала любовную мелодию на его мобильном, но Марина быстро сообразила, что «достать» мужчину не то же самое, что «вернуть», и перестала ему названивать. По крайней мере, в то время, когда шеф был в офисе.

Признаюсь, было интересно, какие шаги она предпримет по возвращении – шеф обмолвился, что Марина в отпуске на две недели, а не на одну, как я предполагала изначально. Но

она сумела удивить. Причем не только меня, но и шефа. Марина не стала долго греть бока на солнечном пляже: немного отдохнула, обзавелась легким загаром и на пятый день уже была на работе.

– Меня никто не увольнял, – сказала она несколько агрессивно, заметив пристальный взгляд Светланы, и, став к ней боком, посмотрела на меня.

Я помотала головой, подтверждая: все правильно, никто ее не увольнял. Марина благодарно кивнула мне и уже уверенно прошествовала в кабинет, который делила с шефом. Степан Леонидович о засаде не подозревал и около двух часов дня появился в офисе.

– Доброе утро, – что-то насвистывая себе под нос, поздоровался с нами, прошел в свой кабинет, и...

Свист прекратился.

Стало удивительно тихо.

А потом послышался стук каблуков, и Марина закрыла дверь его кабинета.

Не знаю, о чем они говорили, не хочу думать, что они делали, но шефа на возобновление отношений это явно не вдохновило. Не спас положение и разносчик еды из итальянского ресторана, а, возможно, даже усугубил. Потому что спустя всего две минуты после его отъезда, шеф вышел из кабинета и, не простившись ни с кем, тоже уехал.

В его кабинете снова образовалась абсолютная тишина.

Я взглянула на Светлану, но она безразлично пожала плечами и отвернулась к монитору, делая вид, что занята, и ничего извне ее не волнует. Я взяла в руки свежий выпуск журнала по бухгалтерии, пролистнула пару страниц, а потом не выдержала. Поднялась и подошла к кабинету шефа. Постучала, но Марина не ответила.

– Лера! – попыталась одернуть меня Светлана. – Это их дело, пусть разбираются сами.

– Я и не лезу в их дела, – ответила я.

Дела Марины и шефа меня не касались. А вот дела Марины тревожили. Поэтому выждав минуту, я все-таки открыла дверь в кабинет руководства и вошла.

Первое, что бросилось в глаза, – нетронутые пакеты с едой на столе. А потом я увидела Марину. Она стояла у окна, обняв себя за плечи, будто замерзла. Не знаю, слышала ли она мой стук и шаги, но не обернулась.

– Марин... – я подошла и остановилась рядом с ней.

Она взглянула на меня и опять перевела взгляд в окно. Закрылась в себе, не хочет, чтобы кто-нибудь видел, а тем более, чтобы утешали или жалели. Знаю, знакомо.

Я вышла, услышала за спиной облегченный вздох, но сделала вид, что глухая. Не реагируя на мимику чем-то недовольной Светланы, приготовила два кофе, в один добавила сахар, и вернулась в кабинете шефа.

Там ничего не изменилось.

Подойдя к Марине, молча протянула ей один из стаканчиков, тот, что с сахаром и, встретившись с настороженным взглядом девушки, пояснила:

– Я тоже люблю наш город. Но так... – снова протянула стаканчик, и на этот раз Марина его приняла. – Так он кажется намного уютней.

Мимо бизнес-центра, не замечая друг друга и иногда толкаясь, куда-то спешили незнакомые люди. Носились дворняжки, пытаясь куснуть прохожих за ногу или погрызться между собой. Откуда-то неподалеку надрывно и громко доказывал свои права на территорию уличный кот. Снег темнел окурками и копотью от машин. Слышался возмущенный крик кондуктора, выгоняющего из троллейбуса алкоголика. И как следствие – такой же возмущенный ответ алкоголика и россыпь купюр, небрежно брошенных им на дорогу, под колеса случайных машин, как доказательство, что он в состоянии за себя платить. Вот не пить он не может, а заплатить – хоть за всех! А в первую очередь, за такую красавицу, как кондукторша! Разговор между ним и подобрешей кондукторшей затянулся. У кого-то намечался лямур...

– Ты права, – сделав глоток кофе, с улыбкой сказала Марина. – Так любимый город кажется намного уютней.

Я ответила ей улыбкой, и мы снова погрузились в молчание.

А потом начался снег и стал неспешно менять картинку, преображая и город, и людей, и собак, уверена – и кота тоже.

И все стало казаться чуть светлее, добрее и проще. Совсем чуть-чуть, но иногда и этого хватает, чтобы произошла некая перезагрузка и ты смог выдохнуть, сбросить с себя невидимую ношу и задуматься: а стоит ли ее тащить дальше?

Глава № 11

Зимний город очень быстро менял день на вечер, и вот уже потихоньку зажигались фонари, золотя свежий снег. Из соседнего кабинета изредка доносились шаги Светланы, негромкий разговор с кем-то из клиентов и частый обмен любезностями с мужем. Пару раз подавал признаки жизни городской телефон, но Марина к нему даже не подходила. Посматривала на свой мобильный, но тот молчал.

Звонки на городской стихали быстро, но не потому, что по ту сторону линии догадывались, что им не рады. Просто сегодня Светлана или забыла, или на время отбросила мысли о конфронтации с секретарем и взяла на себя часть ее обязанностей.

Моя работа меня не торопила – до отчетов еще целая неделя, так что я могла позволить себе сидеть вот так, в полутемном кабинете шефа (потому что свет никто не включал), медленно потягивать кофе и смотреть на красоту за окном. Менять эту живую картинку на заставку монитора не было никакого желания.

Марина по-прежнему говорить ни о чем не хотела. Сидела рядом со мной, возле подоконника, и тоже смотрела на город. Домой ее не тянуло – возможно, потому что здесь она была ближе к шефу, а возможно, были и другие причины. Я только сейчас поняла, что ничего не знаю о ней. Совсем ничего.

Красивая, эффектная, с каштановыми волосами такой длины и оттенка, что вполне могла рекламировать какой-нибудь шампунь – это да, это я знала. Но это ведь все визуальное. То, что я видела. А что она за человек? С кем живет? Может, потому и не тянет ее побыть сейчас дома, что нет там никого, кроме нее? Я в моменты тягостного настроения предпочитаю побыть одна, а некоторые, наоборот, опасаются одиночества.

– Что? – заметив мой взгляд, спросила Марина.

– Да так... – подумала и решила сказать, как есть. – Вдруг поняла, что ничего о тебе не знаю.

Она усмехнулась, и ответила нечто странное:

– А мне иногда кажется, что я о тебе знаю все.

Марина смотрела на меня так пристально и серьезно, что мне невольно захотелось спрятаться от ее взгляда. И подсознательно – от того, что она оставила между строк. Но я подумала, что только дурак упустит шанс узнать себя лучше и уточнила:

– Кажется или знаешь?

– Скажем так... – на губах Марины появилась понимающая усмешка, а взгляд потеплел. – Я думала, что хорошо тебя изучила, но признаю, что субъективно видела все в ином цвете.

– В каком же?

– В цвете ревности.

Моя реакция даже в полутьме кабинета не осталась незамеченной, и Марина расхохоталась. Громко, с какой-то горечью – даже Светлана отбросила безразличие и появилась в дверях кабинета, глядя на нас.

– Да! – резко оборвав смех, Марина с вызовом взглянула на меня, потом повернулась к Светлане. – Да! Я ревновала!

– Ну и дурочка... – пожала плечами Светлана и снова ушла в другой кабинет, зашуршав бумагами.

– Я люблю его... – выдохнула Марина чуть слышно, и шуршание в соседней комнате прекратилось.

– Что и требовалось доказать, – последовала реплика из соседнего кабинета.

К моему удивлению, Марина не стала спорить, и разнимать никого не пришлось. Но только я мысленно перевела дух, как она взглянула на меня с затаенной надеждой, взяла за руку и попросила:

– Лера, пожалуйста, помоги мне его вернуть!

– Как?! – поразившись столь дикой просьбе, я даже отпрянула.

– Подскажи что-нибудь. Потом я обязательно найду выход, но мне бы хоть знать, с чего начинать...

– Марина, – я понимала, что объяснить что-то расстроенной девушке будет сложно, но все же сделала такую попытку. – То, что я работаю у Степана Леонидовича дольше, чем вы, не значит, что я знаю его лучше всех. У вас с ним личные отношения, и, наоборот, ты, а не я...

– Почему он разозлился, когда доставили еду из ресторана? – перебила Марина и, подскочив со стула, подошла к столу, обвинительно ткнув пальцем в пакеты с едой. – Мы разговаривали, и да, он пытался внушить мне, что между нами все кончено, но мне казалось, что у него море терпения. Он позволял мне высказываться, в какой-то момент я видела – он задумался над моими словами. А потом... Принесли еду, и он вспыхнул, как спичка. Подхватил свою дубленку, ключи и выбежал. Почему, Лер?

Если все обстояло именно так, имелось у меня одно вполне жизнеспособное предположение.

– Ты знаешь! – едва ли не обвинительно заключила Марина.

– У меня только догадка.

– Какая? Он любит поесть, и я думала... Я заказала только самое вкусное, заплатила пятьдесят долларов, а он даже не стал открывать. Не понимаю... В прошлый раз ведь сработало...

Я прекрасно помнила этот момент в их отношениях. Как и слова Степана Леонидовича, что ему все надоело и он устал. А теперь, если все сложить и подумать...

Ты любишь мужчину, знаешь, что он любит поесть и пытаешься ему показать свои чувства, в которые он, по всей видимости, даже не верит. Самое элементарное сделать что? Побаловать его, приготовить что-то самой. А что делает Марина? Говорит, что любит, но в качестве доказательства у нее только слова. И тут доставляют еду... До этого шеф терпеливо слушал, возможно, пытался поверить, а потом...

– Лер? – напомнила о себе Марина.

– Мне кажется, причина его вспышки – что еда была из ресторана.

– Но в прошлый раз, когда мы поссорились...

– В прошлый раз вы поссорились, – сделала акцент на последнем слове. – А сейчас вы расстались.

Я думала: Марина обидится за прямоту или начнет доказывать, что нет, в этот раз они тоже только поссорились, но она меня удивила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.